

КАРИНА
ДЕМИНА

ПО ТУ СТОРОНУ
ЖИЗНИ

— Магия, меняющая мир —

Необыкновенная магия. Шедевры Рунета

Карина Демина

По ту сторону жизни

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Демина К.

По ту сторону жизни / К. Демина — «Издательство АСТ»,
2019 — (Необыкновенная магия. Шедевры Рунета)

ISBN 978-5-17-113400-6

Если вас вернули в мир живых, значит, это кому-то нужно. Во всяком случае, у меня самой не было ни малейших причин воскресать. Впрочем, жаловаться я тоже не собираюсь, хотя родственники, уже поделившие мое состояние, возвращению не обрадовались. И не только они. Мое воскрешение милостью Плясуньи, покровительствующей нашему роду, неожиданно затронуло слишком многих. В числе их и давний враг нашего рода, почти истребивший его, и члены таинственной секты «Черного лотоса», проповедующей право сильных убивать, и даже древние такхары, желающие извести всех, кто поклоняется моей богине. И что мне делать? Смириться с нынешним моим состоянием. Выжить. Найти и наказать виновных, исполняя божественную волю. А дальше... будет видно. И не мне одной.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113400-6

© Демина К., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	44
Глава 10	49
Глава 11	53
Глава 12	58
Глава 13	62
Глава 14	68
Глава 15	73
Глава 16	77
Глава 17	81
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Карина Демина

По ту сторону жизни

© К. Демина, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Глава 1

Воскрешение – процесс долгий, это я не только осознала, но и прочувствовала сполна. В первый день сознание возвращалось рывками. Даже не сознание, а скорее способность воспринимать происходящее...

Окно в спальне небрежно завешено темной тканью.

Кто-то с кем-то шепотом спорит, что гроб из белого дуба – это непозволительная роскошь. Наверняка тетушка Фелиция, которая и в прежние-то времена славилась редкостным скупердяйством. Помнится, она в гостях сахару в чай вдвое больше клала, нежели дома...

Песни заунывные и невпопад.

То ли тетушка взяла дело моих похорон в собственные руки и плакальщиц наняла самых дешевых, то ли пели они уже давно и изрядно успели подустать, главное, голоса их звенящие раздражали куда более прикосновений. Их я тоже ощущала.

Вот чьи-то ручки обшаривают платье – белое, свадебное, кто ж знал, что и вправду пригодится, как по мне, на редкость глупый обычай, – норовя добраться до жемчужных пуговок. И тетушка Нинелия сопит, ибо ростом она мала, а позвать кого-то совесть мешает. Или жадность?

Я не определилась.

Главное, что в следующее возвращение ясно поняла – пуговицы заменили. Даже не так, просто срезали, а рукава прихватили на живую нитку. Со стороны вовсе незаметно... а так... куда мне ходить?

Кто ж знал, что я воскресну?

Явление это не то чтобы вовсе невозможное, особенно в семье, прапрадед которой умудрился и себя и всех потомков своих посвятить Плясунье, – подозреваю, досталось ему от родственников знатно, – но последний подобный случай был отмечен лет этак двести тому... из достоверных.

Пятка чесалась. И туфли слетели.

Купили в магазине подходящие, бумажные. Помнится, та же тетушка Нинелия в прошлый свой визит очень подробно объясняла, что у мертвецов ноги отекают, а потому обычными туфлями никак не воспользуешься...

Тетушка держала небольшую похоронную контору. Интересно, сделала мне скидку или, напротив, навернула процентов сорок-пятьдесят сверху, рассчитывая, что наследство покроет?

О нем они большей частью и говорили. Рядились, оставила ли я завещание, а если и так, то получится его оспорить? Зная меня, родственнички ничего хорошего не ждали, оно и верно, если бы я планировала умереть и озаботилась завещанием, им бы достался кукиш. Возможно, с маслом.

А так... непредусмотрительно, конечно, но в двадцать пять лет о брэнном и вопросах, связанных с переходом в мир иной, как-то не задумываешься.

Может, я потому и воскресла?

Кто знает... Дедушка, будь он жив, несомненно, сумел бы объяснить, но он отошел в чертоги покровительницы нашей еще тринадцать лет тому, прихватив заодно и моих родителей, – эксперименты над темной материей крайне опасны. Я же осталась на попечение бабушки и многочисленной родни, горевшей желанием пригреть сиротку. Благо характер у бабули был кремь, даром, что ли, ведьма темная потомственная. Главное, что родне она скрутила жирную фигу, а мне, по всеобщему мнению, изрядно испортила характер. Это они зря, он у меня от рождения был не самым лучшим.

А бабуля...

Она любила деда, пусть и ругалась на него... додумался работать на открытом полигоне... упустил, недосмотрел... главное, ушел раньше, а обещал, мол, в один день. И когда бабуля поняла, что я вполне способна справиться своими силами, она ушла. Тихо. Во сне.

Вот тут-то родня и зашевелилась... Как же, шестнадцатилетняя кроха и одна в большом темном доме. Ей, небось, страшно и неудобно, и вообще, пусть она кроха согласно эдикту и считается совершеннолетней, а также имеет полное право распоряжаться имуществом, всем же очевидно, что это издержки прошлого. Современные дети взрослеют позже, а девочкам, даже очень хорошеньким, семейные состояния доверять нельзя...

Достали они меня своей опекой и требованиями подписать генеральную доверенность преизрядно. А потому родню я выставила. Не без помощи адвокатов, благо Аарон Маркович дело свое знал, да и клятва его признала меня истинной наследницей... и понеслось.

Приглашения на чай. Визиты в гости... особенно тетушка Фелиция старалась, которая была не просто теткой, но двоюродной и в запасе имела двоих сыновей весьма смазливой наружности и подходящего характера. То есть ей казалось, что если мальчики слушают маму, то подходят мне, глупенькой... а что я своего счастья не разумею, на то и приворотные имеются.

Правда, когда я напоила таковым Юстасика, тетушка устроила скандал. Я пригрозила расследованием и полным отлучением от финансовых потоков, была обозвана бессердечной стервой и...

А не они ли меня отравили?

У тетушки Фелиции лавка, правда, не знаю, чем они там торгуют, но своих кузенов я имела возможность созерцать в игровом доме, да и не только там. Все же Дьюстерештадт, как ни крути, пусть и осененный благодатью короны – кто бы еще объяснил, в чем она проявляется, – городок маленький. В нем сложно не пересечься, особенно людям, ищущим, где бы потратить деньги. И сомневаюсь, что лавка тетушки Фелиции приносит доход, которого бы хватило на веселую ночь в «Зеленом петухе».

Или не она? Не то чтобы я вовсе отвергала эту возможность, духу у тетушки, невзирая на всю ее набожность и грамоту, врученную в прошлом году советом как самой благочестивой особе пресветлого Салецкого прихода, хватит... а вот с возможностью сложнее.

После того скандала она в гости не заглядывала. Да и я наносить визиты не стремилась. С кузенами мы пересекались, но делали вид, что друг с другом не знакомы. Согласитесь, отравить кого-то на расстоянии довольно сложно. Не говорю, что вовсе невозможно, но... тетушка не особо умна, а кузены и вовсе.

Нет, это не они...

Самое противное, что я совершенно ясно осознавала, что мертва, но в то же время не могла вспомнить, как это произошло.

Болезнь? Наверное, я бы запомнила. Несчастный случай? Убийство... но чужих здесь нет, а если бы меня убили, расследование проводилось бы. В этом случае присутствие штатного мага на похоронах обязательно, не говоря уже о некромантах. Скоропостижная кончина? Меня определенно не вскрывали... значит, все-таки несчастный случай. Обидно.

На третий день, когда тело мое вместе с гробом – все-таки не белый дуб и вовсе не дуб, но обыкновенная подкрашенная сосна, которую изнутри даже не потрудились почистить от заусениц, – спустили в склеп, ко мне вернулась способность видеть.

Причем в кромешной темноте. Оно и понятно, на кого в склепе световые шары тратить?

Крышку заколачивать не стали, спасибо Кхари за традиции, которые я только теперь смогла оценить в полной мере. Не думаю, что мне бы понравилась кремация, а ведь дядюшка Фердинанд о ней упомянул. Вскользь, конечно... мол, на Островах принято... избавляет от многих проблем... да, он провел на Островах двадцать лет, но это еще не повод тащить сюда все благоприобретенные дурные привычки.

Тетушка Фелиция отвергла предложение с гневом, о чем, подозреваю, она не единожды еще пожалеет... дайте только встать в полной мере. Пока же я лежала тихо, радуясь, что была единственной одаренной в нашем захиревшем роду. Как-то вот... очень сомнительно, что родственники обрадуются моему возвращению. А с ним и факту, что наследство ускользнет...

У Нинелии дочь. От первого брака. Если подумать, то она к нашему роду относится весьма условно. Будучи родной сестрой моей матушки, Нинелия в свои шестнадцать сбежала из дому, дабы сочетаться браком с личностью подозрительной, которая затем проявила себя во всей красе, оказавшись четырежды многоженцем, мошенником и беглым каторжником, что уж ни в какие ворота не лезло. Это мне бабушка рассказала, чтобы я не слишком близко принимала к сердцу тетушкины стенания о моей недостаточной религиозности. Мол, сама нагулялась, а теперь готова лоб о храмовые плиты разбить, демонстрируя Светозарному рвение.

Ага...

Второй раз она вышла замуж благодаря матушке, вернее, немалой сумме, которую положили в приданое. И подозреваю, что тот мужичок болезного вида, которого я встречала то ли дважды, то ли трижды, не слишком-то устраивал ее в роли мужа, но выбора, как говорится, не было...

А ведь он тоже скончался в прошлом году. Скоропостижно. И тетушка запретила вскрытие, а ее репутации идеальной прихожанки хватило, чтобы отвести всякие подозрения. Правда, штатный некромант все равно на похоронах присутствовал, породив изрядно сплетен, которые, подозреваю, крепко репутацию подпортили...

Нет, одно дело мелкий торговец и совсем другое – последняя из рода Вирхдаммтервег.

Хотелось бы думать, что к моей смерти отнеслись серьезней...

– Как живая... – Этот голос принадлежал дядюшке Мортимеру, который с виду был личностью на редкость безобидной. Лысоватый толстячок с пухлыми щеками. Мне всегда хотелось за эти щеки ущипнуть, но...

Дядюшка был известным в городе ростовщиком. И репутацию в определенных кругах имел такую, что связываться с ним рисковали лишь в самых безнадежных случаях.

Этот бы, пожалуй, смог и яду плеснуть или нанять пару-другую молодцев, чтобы прочесть зазнавшуюся девчонку, как пару лет тому назад, когда я, не выбирая выражений, выставила его из дому.

Не люблю лицемеров.

А та парочка... доказать ничего не вышло. Мне еще повезло, что нестабильная моя сила – а дядюшка знал об этом маленьком недостатке, помешавшем получить мне нормальное образование, – соизволила очнуться и прийти на помощь.

От тех двоих осталась кучка праха.

А мне пришлось полгода посещать участок, доказывая, что в действиях моих не было злого умысла. И подозреваю, что эта внезапная пристрастность – к ведьмам в обществе отнеслись с пониманием – тоже была следствием дядюшкиных стараний.

А теперь? Мы давненько не пересекались. Он предпочитал держаться в тени, играя в примерного семьянина... Правда, четвертая жена его была моложе меня, а куда подевались предыдущие три, не знал никто, но это еще не повод подозревать такого милого человека в дурном.

Тем более в тот раз мы друг друга поняли. Или, скорее, ощутив на своей шее жгут отсроченного проклятья, дядюшка счел за лучшее не связываться...

Нашел способ снять? Или... если жив, то он к моей смерти отношения не имеет.

– Не понимаю, зачем это все, – тетушка Нинелия поежилась и поспешила запахнуть манто.

Норковое. Мое. Из последней коллекции, которое я и примерить не успела... вот же, добралась до гардероба. И не она одна, если Фелиция манто не содрала. А кухня моя бледная

жемчуга нацепила. Это еще ладно, жемчуга я никогда не любила, но все равно обидно. Может, я их на благотворительность отписала.

Следовало бы.

– Обычай... – Дядюшка погладил по ручке хрупкую свою женушку, которая производила впечатление слегка блаженной. Стоит. Улыбается. Взгляд отрешенный... и течение жизненных потоков нарушено.

А вот, кажется, и отгадка. Дядюшка их пьет.

То-то он всегда бодр и весел, и здоровьем своим прихвастнуть любит... ай, до чего нехорошо. И незаконно, если подумать...

Почему никто не заметил? Не обратили внимания? Или... поговаривают, что дядюшка мой когда-то крепко выручил нынешнего начальника жандармерии, и тот преисполнился благодарности, но не настолько же... или... зрение мое было немного странноватым, расплывчатым. Я не видела лиц, точнее, воспринимала их такими белесыми пятнами, а вот энергия – дело другое... Вот это синее пятно, вызывающее дрожь и частично рассеивающее потоки, не амулет ли?

– Все равно это глупо, торчать здесь семь дней, – проворчала тетушка.

– Полтора миллиона марок на четверых – достаточный повод...

Несколько больше, что бы они себе ни думали, но с семейным состоянием я управлялась вполне прилично, за последние годы изрядно его приумножив. И тем обиднее отдавать будет этим...

Обойдутся.

– На четверых, – тетушка Фелиция не стала скрывать раздражения. – В конце концов, я не понимаю, почему мы должны делить на четверых...

Я тоже.

Мое состояние останется со мной, ибо согласно Кодексу вернувшиеся силой Кхари уравнивались в правах с живыми и, что гораздо актуальнее в моем положении, наследовали собственное имущество...

– ...в ней нет нашей крови...

Тетушка Нинелия поджала губы и сложенными щепотью пальцами коснулась лба, мол, прощаю тебе подобные речи и помыслы мои светлы...

Эти двое всегда друг друга тихо ненавидели. Слишком уж похожи были.

– В книге есть запись, – отступить Нинелия не собиралась, что весьма разумно, поскольку одно дело меха, а другое – больше четверти миллиона марок, которых хватило бы, чтобы выдать мою дебелую кузинушку замуж, да и на домик у моря осталось бы.

– Твой брат, Морти, совершил очередную глупость, а мы должны мириться... – Фелиция поправила белые розы, которые поставили у моего гроба. Вот тоже странность, я прекрасно вижу, что цветы ненастоящие, наверняка взяты в конторе Нинелии и на своем веку, весьма, подозреваю, немало, видели не одни похороны.

Все-таки скупая у меня родня. Могли бы и свежих срезать...

– Не обязательно, не обязательно... – Голос моего дядюшки источал мед.

Зато теперь понятно, почему у него детей нет. И не в невезении дело, а в том, что беременность требует хорошего запаса жизненных сил, а они все на кормление дядюшки уходят.

Ничего. Вот воскресну окончательно, тогда и поговорим... не то, чтобы я такая уж поборница справедливости и закон блюду, но есть вещи, на которые нельзя закрывать глаза.

Мои закрыты.

Я только сейчас это сполна осознала. Труп с открытыми глазами внушал бы определенное подозрение, да и не по обычаю это... главное, что, кажется, еще и воском залили. Нет, что-то там такое тетушка рассказывала, но мне это представлялось выдумкой. А на деле... если этот их воск с ресницами отирать придется, я им всем...

– В суд подам! – взвизгнула Нинелия, почуяв, что долгожданное наследство может пройти мимо.

Это они еще все не знают...

– Дорогая, зачем нам суд? – Дядюшка переместился поближе. – Ты же прекрасно понимаешь, что эти деньги принадлежат семье... и должны в семье остаться...

Ага, только сам он об этой семье вспоминал, исключительно когда возникала необходимость взять займы. Правда, случалось это задолго до моего рождения, ибо позже дядя кардинально пересмотрел жизненную позицию, предпочитая деньги копить, нежели тратить, но...

– Есть закон...

И закон на стороне Нинелии. В родовую книгу ее внесли, причем вместе с дочерью, ибо тогда над ней еще довлело клеймо незаконнорожденности, а следовательно, в род приняли со всеми вытекающими последствиями. Уж не знаю, с чего это дедушка так расщедрился, обычно он проявлял куда больше здравого смысла.

– А есть правда... ты женщина благоразумная... ты не захочешь проблем...

Он потянул Нинелию за собой, а до меня донеслось:

– ...ты же понимаешь, что в этой жизни все неоднозначно, и бывает, что сиюминутная выгода приносит...

Интересно, а к ней он кого подошлет?

Все-таки мерзкие существа, мои родственники. Тетушка Фелиция пробормотала что-то, и отнюдь не молитву, помянув и меня, и матушку мою, которая чем-то ей насолила, поправила грязные розы и удалилась, оставив меня наедине с дядюшкой Фердинандом.

Вот уж кого я не понимала. Точнее... мы встречались дважды. Первый раз, когда он вернулся на родину и наносил череду обязательных визитов, являя себя обществу, – тогда мы очень нудно и без малейшего удовольствия пили чай, беседуя о погоде. А второй, когда я, поддавшись любопытству, отправилась на его лекцию, посвященную особенностям островной магии.

Было интересно. Очень.

Если бы дядюшка еще не полагал женщин существами низкими, неспособными к мышлению и вообще к самостоятельной жизни, мы бы, пожалуй, подружились. Но на меня он смотрел с недоумением, явно не понимая, как вышло, что особа столь сомнительных интеллектуальных качеств оказалась во главе рода.

Если бы дядюшка был магом, если хотя бы спящим даром обладал, он бы, несомненно, сделал все, чтобы восстановить справедливость, но... боги явно были против.

С божьей волей спорить бессмысленно, но и любить меня он не был обязан.

– Интересно, – сказал дядюшка, склонившись над гробом. А я ощутила запах сигар и бальзамической жидкости. – Очень интересно... надеюсь, дорогая племянница, вы не станете затягивать...

Он поправил галстук.

– ...хватает, знаете ли, своих дел...

Догадался? Понял?

Но... главное, вмешиваться не станет... а ведь мог бы... я сейчас беспомощна, достаточно отрубить голову и... не стоит думать о грустном. Я уже мертва, а второй раз умереть, конечно, обидно, но и только.

Меня оставили в тишине.

Глава 2

Склеп... Я заглядывала сюда раньше.

День рождения матушки и белые камелии. Бабушка предпочитала азалии. А дед вообще цветов терпеть не мог. Ему я приносила солодовый виски, лед и свежую газету. Мало ли... я бы вот сейчас от свежей газеты не отказалась, все не так тоскливо лежать.

Надеюсь, за прошедшие дни рынок акций не рухнул, а Южная Колониальная приросла за счет монополии на какао-бобы, которую им удалось пропихнуть, уж не знаю, какой ценой, строительство канала продолжается, а Ферейская компания наладила поставки чая... Надо было бы прикупить еще акций Мальтийского союза. В последний год они хорошо прибавили для молодой компании, которая только-только влезла в колониальную торговлю, умудрившись отхватить себе неплохой кусок ее. Полагаю, во многом благодаря родственным связям основателя ее с французской короной. Конечно, родство это отрицали, но... знающему довольно портретов – горбатый нос и вялый подбородок подделать куда сложнее, чем родословную...

Тоска... И ни души... Оно и логично, что им здесь делать? Ушли на перерождение, поскольку, помнится, даже звезда некромантов не сумела докричаться до деда. А может, и докричалась, но была послана в полном составе... никто так и не понял, что тогда произошло.

Эксперимент с темной материей, чтоб его...

Но какой? И почему проводили его на полигоне открытого типа? Куда смотрела служба безопасности?

Лабораторию, помнится, тогда не просто зачистили от бумаг, они и панели сняли, и стены бы вынесли, не будь эти стены частью дома. Кажется, мы с бабушкой тогда вынуждены были переехать в городскую квартиру, и теперь я понимаю, что не по собственному желанию, но...

Что бы там ни нашли, это было объявлено государственной тайной, похоронено и забыто. А мне, когда возникло желание понять, что же, собственно говоря, произошло, ибо весьма сомнительной показалась версия, что два опытных некроманта и темная ведьма допустили одну ошибку, которая и привела к выбросу – было настоятельно рекомендовано не лезть в дела, слишком сложные для разума девичьего.

Я отступила. Зря.

Вот... есть у меня ощущение, что воскресла я не просто так.

Все равно тоска. Тело мертвое, неудобное. Я попыталась пошевелить пальцем... и кажется, получилось. Мизинец дернулся и, видят боги, это было неприятно. Боль? Отнюдь, скорее ощущение, что кожа вот-вот треснет, а мышцы рассыплются прахом. Я их ощущала вполне явственно.

Надеюсь, временное явление...

А склеп, оказывается, преинтересное местечко. Раньше как-то вот не обращала внимания, а... ладно, то что находится он не на кладбище, как принято, а в катакомбах под домом, еще можно объяснить странностями владельцев, но почему круглый?

В центре возвышение, на которое полагалось ставить гроб с мертвецом...

От отца, деда и мамы почти ничего не осталось, но бабушка, помню, много ругалась с кем-то... обычай... правила... души не найдут успокоения... Мы потом спускались к этому постаменту, и я прекрасно помню три закрытых гроба, которые с трудом вместились на один камень.

Свечи вокруг.

Бабушка сама их расставляла, а я помогала. Помню теплый воск, который льнул к пальцам, и горьковатый привкус дыма. Свое желание уйти...

Мне свечей не поставили.

Конечно, это ведь в родовой книге не написано, а значит, утруждаться не стоит.

Я вздохнула... и задышала. И вновь же ощущение не самое приятное, будто что-то внутри раздирается, расползается по кускам. Сердце ухнуло и застыло. Вновь дернулось. Забилося, но гораздо медленней, чем у живых. Тяжелее.

А вместо крови у меня, получается, энергонасыщенная плазма...

Стало теплее. По ощущениям, а на потолке проявился узор. Нет, он всегда там был, завитки и линии, в которых прятались твари удивительного, а порой и уродливого вида. Но теперь стало очевидно, что этот рисунок был призван скрыть иной, настоящий.

Идеальная шестиугольная звезда.

Старые руны, которые вспыхивали одна за другой, заставляя нити силы тянуться, складываясь в огромную печать. Она была мне знакома. Да и любому, кто когда-либо давал себе труд заглянуть в храм Плясуны, но... эта печать несколько отличалась.

Она была... полнее?

Логичней?

А мое тело наполнялось силой. Легкой и звенящей, свежей, что вода в ручье... это было, пожалуй, больно. И еще невероятно. И... невозможно?

Нити силы уходили в пол, на котором, отражением верхней, появлялась другая печать. Она отличалась лишь парой символов. И те были мне неизвестны, хотя, видит покровительница нашего рода, в том, что касалось науки, я была куда как усердна...

Забытые знаки.

Запрещенные?

Та ли легендарная потерянная сила, некогда возвысившая Империю над другими странами? Если так, то неудивительно, что ее спрятали среди других узоров.

Дышать стало легче, пусть и дыхание это было менее глубоким, чем у живых. Зато я смогла пошевелить рукой... и второй тоже... и почти приготовилась сесть в гробу, когда дверь хлопнула.

К счастью, на рисунок силы это несколько не повлияло. Линии, дрогнувшие было, выпрямились, а вливавшийся в меня поток не ослабел. Тело мое медленно, но верно изменялось под действием этой силы, мне же оставалось расслабиться и представить, что я все-таки мертва. А то мало ли...

– Ты уверен? – не узнать блеющий голосок кузины было невозможно.

Честно говоря, мы с ней не слишком ладили.

Да и как... она была тихой. Смиренной. И незаметной, но при этом обладала удивительнейшей способностью раздражать одним фактом своего существования. Стоило вспомнить потупленные глазки и шепоток, которым она отвечала на чужие вопросы, как меня пердернуло.

– Здесь нас точно не станут искать, – а это уже кузен.

Полечка.

Вообще в миру его нарекли Аполлинарием, уж не знаю, чья это большая фантазия обрела жизнь, но имя свое Полечка тихо ненавидел, как, подозреваю, и матушку, заставлявшую держаться приличий.

Сама она в молодые годы немало погуляла. А что? Бабушка про всех рассказывала, и если сыновей своих хоть как-то щадила, выдавая лишь ту информацию, которая могла быть полезна, то тетюшкам досталось по полной... В годы юные Фелиция крутила роман за романом, а порой и одновременно, несмотря на то что общество в далекие те времена к подобным штукам относилось с куда меньшим пониманием. Нет, она пыталась блюсти тайну, но...

Городок наш, как говорится, еще та дыра... а дуэль, случившаяся из-за прекрасных глаз юной Фелиции и вовсе событие из ряда вон выходящее. И ладно бы просто дуэль, но ведь со смертельным исходом, а это уже дело уголовное, пусть и смерть приключилась исключительно ввиду глупости одного дуэлянта и невезучести другого, но...

Тетушку отослали, в город она вернулась через несколько лет солидной замужней дамой, обремененной двумя детьми, в которых души не чаяла...

Смачный звук поцелуя заставил меня скривиться.

Вот уж...

Денег на открытие лавки ей выделили, дом в пригороде приобрели, но почему-то тетушка все равно решила, что ее глубоко обидели, не дав открытого доступа к семейному кошельку. Обида ее росла год от года, крепла и окончательно оформилась, когда еще бабуля моя отказалась купить Полечке корабль. В том аккурат проснулась жажда путешествий заодно с уверенностью, что в северных колониях не озолотится лишь последний дурак. Само собой, себя Полечка дураком не считал. Для исполнения гениального плана не хватало лишь малости, в коей бабуля взяла и отказала.

В самом деле, чего ей стоило? Я бы, например, пожертвовала парой тысяч талеров, только бы спровадить Полечку за моря дальние. А то бабушка пожалела дурака, мне теперь мучайся...

Но каков хват... И кухня хороша, куда только скромность былая подевалась. Я даже подвинулась, слегка поменяв положение, чтобы видно было лучше. А что, если места другого в доме не нашлось, то кто виноват? Здесь, между прочим, с полсотни комнат. И чердак есть. И подвалы... а его в склеп потянуло. Охальник.

Меж тем парочка частично лишилась одежды, и кухня уточнила:

– Ты ведь расскажешь маме теперь...

– Расскажу, – пропыхтел Полечка, выпутываясь из штанов. А носки с подтяжками оставил, и свитерок с рубашкой...

– Нам больше нет нужды скрываться... – Она впиалась в Полечку поцелуем и повисла на шее, не замечая, как тот скривился. Конечно, кузен жениться не намеревался, во всяком случае в обозримом будущем. Интересно, он по дури с ней связался или с братцем поспорил?

В любом случае так просто добычу кухня не упустит. А про скрываться она зря. Даже если бы я не собиралась в ближайшее время воскреснуть окончательно – нити силы изрядно ослабели, а значит, процесс двигался к завершению, – деньги в любом случае получила бы тетушка Фелиция. И сомневаюсь, что она настолько великодушна, чтобы отказаться от наследства в пользу безголовых своих сыновей.

А кухня у меня не так уж безнадежна, судя по фигурке. И зачем только она себя прячет в этих безразмерных свитерах и мешковатых платьицах, длиной до середины голени? Коленки круглые. Чулочки шелковые. Поясок для подвязок кружевной. Надеюсь, не в моем ящике для белья прихватила. Хотя я посубтильней буду, особенно в бедрах. Значит, собственный, что радует несказанно.

– ...мы купим корабль...

Я вам даже два выделю, если уберетесь, а то как-то чудо воскрешения происходит в обстановке совершенно к тому не располагающей.

...и волосы распустила. Рыжие. Ишь ты. А лопатки у нее веснушчатые. Кузен сопит, визится чего-то... определенно, не герой-любовник.

– ...отправимся на Винейские острова... – Она запрокинула голову, этакий отработано-картинный жест. – И будем жить там вдвоем...

В хижине из пальмовых листьев. Похоже, подобная мыслишка и кузену в голову пришла, потому как он изволил скривиться.

– ...в любви и согласии...

Она устроилась сверху и ручку на шее пристроила. А что, пальчики у кухни музыкальные, с детства она играет на клавишине, репетирует много... такими если вцепиться хорошенько, то и гортань выдрать можно. А двигается вполне себе.

И вопрос, кто кого действительно соблазнил... Правда, ответ мне не так уж и нужен, потому что нити рассеялись, а я ощутила в себе необычайное желание действовать.

Кузен постанывал и похрюкивал. Кузина скакала, уже не фантазируя на тему счастливого будущего. И кажется, оба в достаточной мере увлеклись процессом, чтобы не обращать внимания на происходящее вокруг.

Это зря. Определенно.

Я села в гробу. Проморгалась. Покрутила руками, убеждаясь, что и руки меня слушаются, и вообще новообретенное тело не спешит развалиться на куски. А после хриловатым таким чужим в звучании голосом сказала:

– Бу!

Кузина повернулась. Замерла.

Открыла рот... и право слово, лучше бы заверещала, как я на то надеялась, ибо в следующее мгновение произошло то, что в медицине именуется скромно спазмом нижних мышц.

Сюрприз семейству удался.

Глава 3

Спустя два часа мастер Виннерхорф покидал наш дом, отягощенный новым знанием, против которого он никогда не возражал, и весьма солидным чеком. Подозреваю, последний был выписан дядюшкой не столько из желания отблагодарить мастера, приехавшего по вызову незамедлительно, сколько обеспечить его молчание.

– Это все он. – Тетушка Нинелия в сотый раз вознесла взгляд к потолку и руки картинно заломила. Обычно унылое выражение ее лица исчезло, и тетушка, оставшаяся без привычной маски, радовала прочих разнообразием гримас.

И обида. И злость. И гнев, и еще что-то... страх?

– Соблазнил мою девочку...

– Твоя девочка сама ему проходу не давала! – взвизгнула тетушка Фелиция, и я поморщилась. Слушать одну и ту же песню третий час кряду, признаться, надоело. Могли бы проявить больше уважения к покойной и не устраивать разборок.

Я отщипнула виноградинку и закинула в рот. Зажмурилась.

Признаюсь, были некоторые опасения... Скажем, те же личи, согласно научным данным, несмотря на развитый мозг и явные способности не только к мышлению, но и к обучению, и даже к весьма сложным действиям, напрочь лишены чувства вкуса. И я вовсе не о том вкусе, который заставляет их рядиться в гнилое тряпье... Об упырях и прочей низшей нечисти и упоминать не следует. Я, к счастью, упырем не была, да и от лича, крепко подозреваю, отличалась и в лучшую сторону – во всяком случае желая немедля вонзить клыки в шею дядюшки не возникало.

Виноград был кисловат. А местами и темноват. Подмороженный взяли... или это кухарка, решив, что в этой суматохе все равно не до нее, решила сэкономить, а сэкономленное сунуть в карман? Надо будет разобраться. Живая я или не очень, но беспорядка в доме не потерплю.

– Теперь она опозорена...

– Сама виновата. – Я забралась на подоконник и потрогала веночек из флердоранжа, который не просто водрузили на голову, но и закрепили дюжиной шпилек. Главное, что волосы залили лаком и столь густо, что просто взять и избавиться от украшения не представлялось возможным.

– Именно! – взвизгнула Фелиция.

Но Нинелия заломила руки.

– А твой сынок вообще трахает все, что движется...

...а вот клубнику я зимой не брала. Во-первых, тепличная почти лишена и вкуса, и аромата, а во-вторых, деньги за нее дерут совершенно неприличные.

Магия, мол... Земли...

Может, в столице где-то и тратят силы на такую ерунду, как клубника, у нас же теплицы стоят на теплых ключах, отсюда и профит, а что приедем впаривают, мол, от этой воды она полезной становится, так это старое развлечение. И стабильный доход. У нас, в отличие от иных курортных городков, свое направление...

– А ты... ты... – Тетушка Фелиция вытянула дрожащую руку. – Ты... даже помереть нормально не смогла!

– Ага, – согласилась я, выбрав клубнику покрупнее. С виду та была хороша, темно-красная, глянцева, с россыпью желтых семечек... а на вкус... Сомнительно. Хрустит, что огурец. И пресная... может, если в сахар обмакнуть, лучше станет? Я поискала глазами сахарницу... Ага, стоит на кофейном столике, рядом с пустыми чашками. И что характерно, кофе уже давненько выпит, а посуда не убрана.

Вот тебе и умри на пару дней, слуги моментально распустятся. Ничего. Я порядок наведу... Доев клубнику из принципа, я облизала пальцы и поинтересовалась:

– Когда вы уберетесь?

– Куда? – Дядюшка Мортимер, который разглядывал меня столь внимательно, что право слово становилось неудобно, вытер испарину платочком.

– Не куда, а откуда... отсюда, – я махнула рукой на двери. – И из дома вообще...

Похоже, эта мысль в головы родственников не приходила. Тетушки, вполголоса продолжавшие переругиваться, замолчали, дядюшка же насупился и запыхтел. А ведь до меня доходили слухи, что у него проблемы возникли, какие-то там брожения в верхах намечались волей славного нашего монарха, подмахнувшего, не иначе как с недосыпу, указ о борьбе с коррупцией. То ли комиссию ждали. То ли кресла делить собирались. Главное, что всем стало весьма и весьма беспокойно, а начальник жандармерии и вовсе в отставку подавать собрался...

Если так, то не факт, что с новым выйдет подружиться. Тем более что кроме дядюшких друзей наверху есть и те, кому он здорово в свое время нагадил. А эти не упустят случая расквитаться. Как бы там ни было, жизнь грозила изрядно осложниться, и некая сумма денег весьма облегчила бы возможные неприятности...

Или вот титул. Признаюсь, не думала, что с ним будет... Мортимер старше Фердинанда, и весьма возможно, что согласно праву Конрада титул отойдет к нему...

– Я не думаю, что нам стоит спешить, – произнес дядюшка.

– Отчего же? – А вот Фердинанд был на моей стороне, вернее на своей собственной, но пока она вполне с моей совпадала. – У меня, между прочим, в университете дела...

– Можешь ехать...

– И оставить ее без присмотра? – Фердинанд преодолел расстояние, нас разделявшее, в два шага. Ноги-то у него длиннющие, что циркули. Пальцы перехватили руку, сдавили, крутанули... Перед глазами что-то мелькнуло, а дядюшка с немалым раздражением рывкнул: – Не крутись... стабилизация продолжается... и будет идти еще несколько дней.

Очаровательно.

– Или даже недель... данные рознятся, но сейчас ты весьма уязвима.

Я прикрыла глаза. Спасибо. Этого я не забуду.

– Поэтому постарайся не уходить далеко от... скажем так, центра...

– Какого центра? – поинтересовался Мортимер.

Но Фердинанд оставил его вопрос без ответа. Я выдержала долгий его взгляд. И позволила оттянуть себе веки и... в рот он, к счастью, не полез, хотя и желание испытывал. Я широко улыбнулась – клыки слегка выросли, это я и сама ощущала, но...

– И кровь... тебе нужна кровь... распорядись. – Он отступил, вновь сутулясь. – Лучше всего свинья... свиньи, как показывают последние исследования, наиболее близки к людям...

Тетушка Фелиция изобразила обморок. Это она зря...

– Прекратите паясничать, – строго велел дядюшка Фердинанд, разматывая тончайшую нить портативного анализатора. Камень на конце ее был прозрачен и прекрасен, что не укрылось не только от моего внимания.

– А ты, смотрю, стал многое себе позволять... – протянул дядюшка Мортимер, следя за движениями камня, что голодная кошка за мышью. Я прямо так увидела, как он напрягся, с трудом сдерживаясь, чтобы не схватить заветный камень.

Алмаз такого размера потянет...

– А ты не оставил дурной привычки заглядывать в чужой карман...

Тетушка застонала.

Я пристроила ногу на подоконник и, сняв белую туфельку на картонной подошве – и ничего мои ноги не отекали, могли бы и в шкафу поискать что приличного, – кинула ею в тетушку. Попала в лоб.

Тетушка с визгом вскочила и... замерла, определенно, не понимая, что ей делать дальше. А я... я показала язык.

– А может, она все-таки лич? – поинтересовался Мортимер, и в тетушкиных мутных очах вспыхнула надежда. Но ее я пригасила, скрутив красивый кукиш.

Даром, что ли, дедов конюх меня тренировал... Пригодилось вот.

– Личи не умеют разговаривать. – Дядюшка Фердинанд крутил нитку, заставляя камень вращаться, и тот вспыхивал то алым, то синим, то зеленым... интересно, это у кого здесь такой целительский потенциал, что мои токи забивает.

– Это, между прочим, научно не доказано, – пискнула Нинелия.

А я удивилась: неужели она читает что-то помимо «Голоса праведника»? Оно, конечно, толика правды в сказанном имелась. Небольшая.

Говорить личи не то чтобы не умели, скорее уж за последнюю пару сотен лет не находилось счастливых, которые бы встретили лича и остались целы. Как-то то ли на беседы тварей не тянуло, то ли прав был Дитрих Норбурнский, утверждавший, что речь есть дар божественный, присущий лишь существам душным, а потому являющийся основным признаком таковых, на кой надлежит опираться Церкви Светозарного и Инквизиции...

– Посмотрим, – произнес дядюшка, что-то черкая в блокноте. – Вызов уже отправлен.

– И когда ты успел? – Мортимер вытянул короткую шею, пытаясь заглянуть в блокнот. Это он зря. Я, помнится, после лекции стянула эту вот записную книжечку, то есть не конкретно эту, а другую, которую дядюшка носил при себе постоянно. Тоже надеялась полезным разжиться, но оказалось, что почерк дядюшкин столь замысловат, что родезские каракули Мертвых проще прочесть, чем его заметки.

– Еще вчера.

– Вчера? – Вот теперь Мортимер не скрыл своего возмущения. – Ты... выходит, ты знал?!

– Подозревал. Стихии были не стабильны.

Мортимер засопел. А на тетушкиных лицах появилось одинаковое выражение тихой злости. Конечно, скажи он вчера, что знает о моих коварных планах воскреснуть, мне бы тихо и мирно отрезали голову, избавляя мир и главным образом себя от нового чуда.

Никто бы ничего не узнал.

А если и узнали бы, в кодексе о профилактическом отрезании голов мертвецам ничего не сказано.

Спасибо, дядя, я этого не забуду.

– Ты... ты мог бы... слов нет!

Мортимер ушел, громко хлопнув дверью, а я, дотянувшись до блюда, забрала последнюю ягоду. Надо же, кислые-кислые, а пошли... Клубника, чтоб ее... Впрочем, если со взбитыми сливками и шоколадом... Я зажмурилась.

А жизнь хороша. Даже если не совсем и жизнь.

Ночью какой-то идиот попытался разрушить склеп. То есть, почему какой-то... Юстасик, старшенький из моих кузенов, конечно, молоток додумался убрать, но меловая пыль на его рубашке и брюках, а заодно несколько утомленный вид и острый запах пота выдавали его с головой.

– Заставлю реставрировать за свой счет, – произнесла я, пнув камень. И халатик запахла. Не то, чтобы прохладно, холод я как раз и не ощущала, но вот взгляд у дядюшки сальный.

А склеп защищали хорошо. Теперь я видела дремлющие сплетения силовых нитей, укрытые за слоем штукатурки. Они росли и в место это, и в дом... и молот, конечно, оставил парутройку царапин, да статую снес из новых, поставленных моим прадедом... Если подумать, заказывал он их у известного мастера, а потому в денежном выражении потянут они изрядно...

– Сгинь, тварь нечистая! – взвизгнул кузен, плеснув мне в лицо чем-то мокрым и вонючим.

Водой освященной?

Если и так, то носил он ее с собой давненько, испортиться успела, протухнуть.

– Точно идиот. – Я лицо вытерла.

Нет, что еще сказать... я вот честно уснуть пыталась. Лежала, разглядывала балдахин и еще немного потолок, раздумывая, насколько в моем нынешнем состоянии нормальна бессонница, и вообще, где про это состояние почитать, кроме как в хрониках...

А тут снизу удар. И еще один.

И такие мощные, что стены задрожали... и кажется, он тут заклятье активизировал, а когда не сработало, точнее сработало – штукатурку со стен сняло, как посмотрю, – но вовсе не так, как кузену хотелось, за молоток взялся.

– Слушай ты, дитя осла. – Я только коснулась узенького плечика, как кузен заверещал и мешком осел на пол.

– Не трогай ребенка! – Тетушка Фелиция, облаченная в широкую ночнушку, замахнулась на меня зонтом. Откуда только взяла?

– Да нужен мне ваш ребенок... – На всякий случай я отступила. Не то чтобы зонт мог причинить мне какой-либо существенный ущерб, но вот... боюсь ненормальных.

– Что случилось?

У тетушки Нинелии тоже ночнушечка имелась.

Коротенькая.

Едва прикрывающая толстую ее задницу, но зато густо расшитая кружавчиками.

Дядя Фердинанд прикрыл глаза и благоразумно отвернулся. Вот он ночевал в байковом спальном костюме пыльно-синего окраса, и даже блестящие медные пуговицы не могли придать наряду бодрости. Судя по виду, куплен он был еще до экспедиции на Острова и времена знал всякие.

Может, ему и вправду деньгами помочь?

Я как-то не особо интересовалась его жизнью, полагая, что чем меньше рядом любящей родни крутится, тем целее нервы. Но он единственный из всех держался в стороне от моей жизни, и уже за это я была ему немало благодарна.

– Она съела Юстика! – то ли с ужасом, то ли с восторгом произнес Аполлон, который в дверях показался-таки, хотя и рекомендовано ему было лежать.

Двигался он скованно. Ноги расставлял широко. А заодно держал у паха массивную грелку.

– Кто?

Тетушка Нинелия на всякий случай прижала руки к груди, правда, правой. Потом сообразила и торопливо поменяла, а то мало ли...

– Мышь, – сказала я, переступив через идиота, который по-прежнему лежал на полу, притворяясь мертвым.

– К-какая?

Ресницы черные накладные. Пудра. Румяна... что-то не похоже, что тетушка ко сну собиралась, во всяком случае, тому, который в постели и одиночестве. И кажется, она сообразила, что не следовало покидать комнату.

– Огромная, – я принялась. Так и есть... пудра из моих запасов определенно, и духи... правда, средней паршивости, я подобные густые ароматы терпеть не могу. А присылают всякие... – Пришла и сожрала...

– Д-да?

– Нет, – рявкнула я и сдвинула тетушку. И уже на лестнице крикнула так, чтобы услышали даже треклятые мыши, если они тут водятся. – Но если кто и дальше будет разрушать дом, то оплатит работу реставраторов из собственного кармана!

– А она точно не лич? – без особой, впрочем, надежды поинтересовалась тетушка Фелиция, а Моргимер ответил:

– Инквизитор скажет.

Проклятье... не было печали.

Глава 4

Я не слишком часто заглядывала в храмы, тем паче Светозарного, ибо посвящение обязывает, а Плясунья не любит иных богов. И пусть говорят, что все они суть отражения одного, но...

Некроманты точно знают – не любит.

Ее храмы всегда стоят наособицу. Ее жрецы прячут лица за масками, хотя, подозреваю, последнее исключительно из здравых побуждений, ибо Плясунью в мире не любят. Боятся. Почитают. Но не любят.

К ней не приходят без особой нужды, а порой и суеверно прячутся за якобы действенными амулетами, но...

Было время, когда, движимые этим страхом, люди заколачивали двери храмов. Сваливали у стен их вязанки хвороста, лили масло и жгли. Со жрецами и теми, кто смел заикнуться, что богиня не простит.

А следом доставалось и слугам ее... Некроманты пусть и наделены немалой силой, но отнюдь не бессмертны. Камень в голову, пуля в сердце. Пули-то к тому времени научились делать правильные, пробивающие защиту... огонь и вода, и иная сила, ибо маги тоже не слишком-то нас любят. В то время, пожалуй, впервые объединились пятеро цехов, образовав Великий анклав, убудочное порождение которого существует и по сей день. И неплохо существует, я вам скажу, при поддержке императора и монополии на раздачу желтых блях, без которых ни один маг права колдовать не имеет.

Но мы не о том...

В те времена, ныне в учебниках благоразумно названные Смутными, поголовье некромантов изрядно проредили. Чего стоила одна резня при Уттерштоффе, где располагалось большое цеховое училище. Там не пожалели ни наставников, ни учеников, хотя штурм стоил им немало крови.

Горели библиотеки. Громились поместья. Семейные погосты разбивались в пыль... а она смотрела. И ждала. И... это отчасти было наказанием нам за гордыню, как говорила бабуля. Возомнили себя всесильными, вот и получили... когда же общество вздохнуло с облегчением: как же, избавили великую Империю от заразы, пришли две сестры.

Имя первой – Чума и носила она алые одежды. Ее лицо было бело, ее губы – алы, а волосы – темны, и обличье столь невинно, что никто не способен был поверить, будто это дитя несет угрозу.

Она появлялась у городских ворот. И ворота открывались. Она ступала на улицу, и камни становились ядом. Она просила воды, и стоило коснуться ее губами, как колодцы разносили заразу. Она танцевала на пустых улицах. И собирала телеги мертвецов. И целители, как крысы, бежали, не способные справиться с болезнью. А она хохотала...

Так пишут, что рожденный ее смехом ветер пробивался сквозь защиту воздушников, а легкий поцелуй покорял пламя огневигов, и не оставалось стихии, как не оставалось надежды, и даже храмы оказались бессильны перед нею.

Имя второй – Проказа.

Она любила старушечьи одежды и была медлительна, а еще, пожалуй, милосердна. Она предпочитала дворцы и дома людей состоятельных, минуя крысиные бараки, в которых ютилась чернь. О нет, Проказа долго выбирала жертв, а потом водянистыми глазами смотрела, как мучаются они, как покрываются тела их волдырями, как превращаются те в гниющие язвы, как...

Она садилась на плечи. И ходила следом. Она смотрела, как избранника в страхе выставляют из дому, а после и из города, и тот, кто еще вчера был велик и славен, оказывался вдруг изгнан...

Поговаривают, что и Его Императорское Величество не избежал потерь в своей семье, и лишь тогда, глянув на изуродованное язвами лицо сына, одумался, издав эдикт, который позже назвали Молящим.

Он вернул Плясунье ее храмы. И построил новые, сделав их столь великолепными, сколь это возможно было. Он принес ей жертву. И дозволил лить кровь на алтарь, причем не только животных, как было до этого. Он повелел схватить тех, кого назвал мятежниками, и предал казни...

Проказа отступила. Единственный достоверно известный случай излечения, ныне вызывающий множество споров. Находятся умники, утверждающие, будто наследнику престола в страхе поставили неверный диагноз, а проказа как таковая имеет происхождение обыкновенное и с божественными силами в исконном их понимании не связана.

В общем, это я к чему...

Некромантов не любили. И не любят.

Эдикты там или запреты, императорская воля с нею связанная, но... людям можно запретить убийство, а вот изменить отношение к кому бы то ни было – проблематично. Честно говоря, некроманты и сами к обществу относятся без особых симпатий.

Люди раздражают. И... мешают.

Бабушка утверждала, что это естественно, мир мертвых не может не оказывать влияния на психику, поэтому в большинстве своем некроманты – люди крайне скверного характера и, к счастью для обывателей, крепких нервов.

Не знаю.

Главное, что визита инквизитора, в нынешнем положении обязательного, ибо чудеса без присмотра Церкви происходить не имеют права, я ждала с настороженностью. А вот родственнички, подозреваю, весьма надеялись...

Он появился на третий день.

Стало быть, к дядюшкиному извещению отнеслись в высшей степени серьезно. Правда, инквизитора выбрали какого-то, мягко говоря, замученного.

Невысокий. Пожалуй, ниже меня будет, а я не скажу, что ростом удалась. Худой, если не сказать, что болезненно худой. Смуглокожий... Значит, не чистой крови, и тетушка Фелиция это поняла, ишь, до чего скривилась, она у нас чужаков не любит и даже комитету церковному внесла предложение не пускать нечистых кровью в храм. Правда, его не поддержали к величайшему тетушкиному огорчению.

Всяк ведь знает, что чужаки – смутьяны.

И вообще...

Она подняла лорнет и сделала шаг назад. А вот тетушка Нинелия, та, напротив, потянулась, вперившись взглядом. И чую, ощупывает бедолагу, отмечая и потрепанную одежку его – такую в нашем городе не каждый бродяга примерить согласится, и ботинки со сбитыми носами, и, главное, уродливейшего вида кофр на колесиках. Колесики продавили ковер, а ботинки оставили следы на паркете.

Дождь, стало быть, начался. В наших краях зимний дождь явление частое, весьма способствующее развитию всякого рода меланхолий и прочих благоглупостей.

– Диттер, – представился хозяин кофра, на его ручку опираясь. И поморщился.

А ему больно. Больно-больно-больно... и кровушкой попахивает, причем дурною, порченой. Ах ты... это они мне дефектного инквизитора всучили? Обидно, право слово...

– Диттер Нохкприд, – уточнил он, обводя мою семейку добрым взглядом.

А глаза синие... Волосы вот с рыжиной явной, правда, не морковного пошлого колера, а этакой благородной бронзы. Уши неодинаковые. Левое прижато к голове, а правое изуродовано, то ли рвали его, то ли мяли, главное, что осталось от ушной раковины немного. И в эту малость он умудрился серьгу вставить. Непростую.

– Старший дознаватель милостью матери нашей Церкви, – произнес он, правильно оценив молчание. И руку вытянул, позволяя разглядеть круглую массивную печатку на мизинце. Силу я издали почуяла, и такую... неприятную, да.

Определенно, прикасаться к подобным вещам мне не стоит. А вот наши потянулись.

– Позвольте, – дядюшка Мортимер носом уткнулся. – Как интересно... в высшей степени... да...

Будь его воля, он бы печаточку на зуб попробовал. И оставил бы себе, для экспертизы, да... Воли не было.

Диттер руку убрал и снова огляделся. На сей раз и меня заметил. А что, я не прячусь. Устроилась на подоконнике? Вот... что-то потянуло меня к ним. Высоко. Удобно. И родственнички любимые как на ладони...

А смотрит-то... И смотрит...

И я смотрю. Красавчик? Нет. Может, когда-то и был, но с той поры минуло пара десятков лет и столько же шрамов. А нележкой у него жизнь была. И сейчас...

Вот он дернулся. Скривился. И не справился-таки с приступом кашля, который согнул Диттера пополам. Ах ты... хоть по спинке похлопай, но, подозреваю, он будет протестовать, из той упрямой породы, которым чужая помощь костью в горле.

Поэтому я отвернулась и потрясла колокольчик.

– Пусть чай подадут... – сказала я, когда в комнате появилась горничная. – Тот, из старых запасов... в наших краях с непривычки сыро.

– С... спасибо.

От чая он отказываться не стал.

– И к чаю. Господин инквизитор с дороги проголодался...

– Я не...

– В Торгхейм поезд прибывает в шесть пятнадцать. Лавки еще закрыты, да и вы кажетесь мне достаточно благоразумным человеком, чтобы не покупать там еду...

А губы платком вытер, глянул украдкой и убрал в карман. Надеюсь, у него не чахотка. Мне-то она уже не повредит, но наш климат для чахоточников, что последний гвоздь в гробу.

– ...потом пока добрались до города...

– Я понял.

Отрезал жестко. Глазом синим сверкнул. Ага, а я взяла и испугалась...

– Мы ждали вас, – наконец тетушка Фелиция соизволила расклеить губы. – Еще вчера... вы не слишком спешили.

Ну... с учетом того, что из столицы поезд идет тридцать часов, да и те при везении, прибыл он весьма быстро. Но, видимо, затрапезный вид Диттера ввел нелюбимую тетушку в заблуждение.

Зря. Но я помолчу.

Чем больше они поговорят, тем легче будет мне найти понимание.

– Фелиция хочет сказать, что мы все очень волнуемся, – влез дядюшка Мортимер, куда лучше представлявший себе, что такое есть Церковь и Инквизиция. – Вам стоило предупредить, и мы бы отправили машину...

Он это знал. Именно поэтому добирался сам. И готова поклясться, у дома он объявился час-другой тому назад... вон, вымок весь. Я глянула на окно: дождь идет, но не такой уж сильный. А на ботинки грязь налипла... надеюсь, ведомый любопытством и желанием проломить защиту дома, он не сильно газоны потоптал.

Все равно ничего не добился.

С севера дом защищала стена колючего терна, высаженного моей бабушкой и лучшей ее подругой, которая еще той ведьмой была. В общем, терн получился с непростым характером. Чужаков он не любил, а к регалиям относился с полным равнодушием, которое наш гость, полагаю, успел прочувствовать.

Вон, какой дыришей на куртке обзавелся. Знакомо...

С юга жил виноград. Лишенный колючек, характером он обладал куда как мягким, но при том упорным, и пока ни одному вору не удалось подняться даже до второго этажа, не говоря уже о третьем. Последнего, помнится, жандармерия три часа извлекала из кокона. Как не задушился, ума ни приложу.

С запада почти сразу за домом начинались болота. Гулять по ним я бы не советовала, пусть и выглядели они зелено и нарядно. По весне шейхцерия зацветала, и от болотных пустошей вообще было глаз не оторвать, но... сколько там сгинуло народу, и думать не хочется. Несколько раз городские власти выступали с инициативой осушения, но я ее по понятным причинам не поддерживала. Нет, мешать не мешала – на муниципальной земле власти могут хоть сушить, хоть золотом расплавленным заливать, но и денег не дала. А без денег инициативы почему-то глохли.

В болота инквизитор не полез. Уже хорошо.

– Мы просто желаем узнать, – голос тетушки Нинелии был тих и полон смирения. – И вправду имело ли место чудо...

– Я... скажу... позже.

Инквизитор шмыгнул носом. И оглушительно чихнул. И снова чихнул.

– И... извините...

Он опять шмыгнул носом и совершенно неинтеллигентно вытер его о грязный рукав. Огляделся...

– Присаживайтесь... устали?

Устал. И готов не то что сесть, упасть в кресло, но треклятая гордость мешает жить.

– Боюсь, моя одежда...

– Бросьте, – я позволила себе быть любезной. В конце концов, от этого человека зависит моя судьба. Нет, я далека от мысли, что подобная мелочь заставит его наступить на горло долгу и полученным инструкциям, но... нам еще довольно долго терпеть общество друг друга, и в отличие от родственников его я из дому не выставлю.

А потому зачем портить отношения?

– Садитесь. Потом почистят... Может, стоит послать кого-то за целителем? Наш климат коварен, не стоит обманываться теплом...

– Тепло? – возмущился Диттер.

Ну... как для кого, для местных сегодняшний день был скорее теплым, хотя бы ввиду отсутствия пронизывающего ветра. Да, курорт у нас специфический.

– Вполне, – заверила я. – Но все равно промозгло, а это, знаете ли, весьма способствует всякого рода простудам.

– Я заметил.

– Они уже спелись, – зашипела тетушка Фелиция, пихая Мортимера в бок. – Сделай что-нибудь!

– Что, например?

Ссориться с Инквизицией дядюшка не будет, а потому поостережется лезть ко мне... во всяком случае, пока не будет всецело уверен, что это сойдет ему с рук. А он приготовился. И амулетик свой снял. Надо же, я и не сразу заметила. Правильно, старший дознаватель – лестно, что птицу столь высокого полета не пожалели – это вам не начальник местной жандармерии.

Мои губы сами собой растянулись в улыбке.

А ведь не знают... ни начальник упомянутый, ни мэр, ни прочие особы положения высокого... достаточно высокого, чтобы время от времени портить жизнь одной милой девушке.

Подали чай.

И черный хлеб с паштетом и карамелизованным луком. Все-таки за фантазию нашей кухарки я готова была простить ей прочие мелкие недостатки, вроде склонности к воровству...

Тетушка Фелиция пила чай, манерно отставив палец. В ее представлении это подчеркивало ее аристократизм и утонченность, а я не спорила. Смысл?

Тетушка Нинелия от чая отказалась.

Дядюшка устроился у камина, вытянув короткие ноги. Он вздыхал и побряхтывал, словно опасаясь, что, если замолчит, мы забудем о нем.

Фердинанд застыл, уставившись в раскрытый блокнот.

Все молчали.

А кузенов моих как-то давненько не видать. Они не из той породы, которая умеет быть незаметной, следовательно, меня ждет очередной сюрприз и, сомневаюсь, что приятный. Кузина же с того самого неудачного свидания старалась не покидать своей комнаты, что было разумно.

– Как ваше самочувствие? – вежливо поинтересовался Диттер.

– Спасибо, неплохо. – Я откусила кусок тоста, щедро намазанного чесночным маслом.

Прелесть. А фирменный соус с волчегодником вышел просто отменным... Голода я по-прежнему не ощущала, что, однако, несколько не мешало мне получать удовольствие от еды.

– Крови не хочется?

К чаю подали портвейн из старых запасов, что свидетельствовало о немалой симпатии старика Гюнтера к гостю. На моей памяти никто этакой чести не удостоивался... Что ж, мне следовало присмотреться к инквизитору получше. Дворецкий, доставшийся мне в наследство вместе с домом, обладал отменнейшим чутьем на людей и полным отсутствием пиетета перед чинами.

Помнится, нашему мэру он подал молодое вино, которое ко всему слегка перебродило и потому изрядно отдавало уксусом и почему-то пованивало рыбой. Его обычно наливали рабочим, которых нанимали привести сад в порядок... Рабочим оно нравилось, а вот мэр обиделся. Зря.

– Нет.

– Совсем?

И прищурился. Ага, знакомый взгляд... Не было у него бабули с гибкою линейкой, которая выправляла не только осанку, но и прищур.

Менять поле зрения надо без гримас. Вот так.

– Совсем, – я широко улыбнулась и пригубила портвейн.

А про кровь он зря сказал. Я вдруг представила ее, такую горячую, тягучую, слегка солоноватую... представила и содрогнулась.

Мерзость какая!

А Диттер моргнул.

Его шуточки?

– Полегче, – я постучала коготком по бокалу. – Я ведь и жалобу подать могу.

– Только после того, как будете признаны истинно воскресшей...

Это мне вежливо намекали, что в случае, если я вдруг откажусь сотрудничать, то воскресение не признают, а меня объявят нежитью? Вон как дядюшка встрепенулся.

– Мне кажется, этот вопрос требует отдельного... обсуждения...

Ага, и в глазах надежда пополам с сомнением. Небось, прикидывает, стоит ли подходить со взяткой, и если да, то сколько предлагать, чтобы не оскорбить столичного гостя, а заодно уж и не переплатить.

– Что вы чувствуете?

– Желание выставить их из дома, – я обвела рукой свою семейку. – Надоели несказанно... а в остальном, ничего особенного...

Я вновь прислушалась к себе. Вяло шелохнулась жажда мести и утихла. Кому мстить? За что? Незавершенные дела? Вот запись к цирюльнику пропустила, а мастер Отто терпеть не может женщин, которые не приходят вовремя. Это чревато отлучением от круга избранных, кому он делает укладку собственноручно. Надеюсь, он войдет в мое положение и посчитает смерть причиной достаточно веской.

Миссия?

Нет, никаких миссий... ни желания немедленно перекроить мир, ни откровений, которые бы рвались на волю, ни...

Ничего.

Диттер моргнул.

И мне почудилось, удивился. А что... я, между прочим, не просила меня возвращать... я жила... да нормально я жила... среднестатистически, как выразился бы любезнейший Аарон Маркович Фихельшманц, мой поверенный...

Магазины. Кафе. Редкие вечеринки, которые я, признаться, посещала исключительно от безысходности. В нашем городе помимо вечеринок и сплетен заняться больше нечем. А одно рождает другое... нет, были еще дела биржевые.

Акции там...

Доля в местном проекте, которую удалось урвать, несмотря на сопротивление мэра...

И все.

В последний год у меня и любовника-то толкового не было... то ли сезон не задался, то ли требования мои стали выше, в общем, не жизнь, а тоска...

– Надо же, – протянул Диттер, засовывая в рот кусок утиной грудки. – Не понимаю...

– Сама удивлена...

Наверное, есть люди, которые куда больше нужны миру, чем двадцатипятилетняя блондинка, пусть и владелица небольшого состояния, но...

Я не подавала больших надежд. Не имела грандиозных планов. И семья моя, которая могла бы послужить якорем... нет, не эта семья, но с другой тоже не сложилось, подозреваю, отчасти ввиду поганого моего характера.

Тогда зачем?

– Разберемся, – пообещал Диттер.

И странное дело, я ему поверила.

Глава 5

Три дня... на редкость напряженные три дня.

У меня отрезали прядь волос. И отщипнули кусочек кожи, пусть с извинениями и объяснениями, в которых я не слишком-то нуждалась, понимая, что без проб не обойтись, но все равно неприятно. Не больно. Неприятно.

Боль... боль перестала существовать для меня, это я поняла, когда тетушка Фелиция случайно, конечно же, вывернула на меня чашку горячего чая.

Кожа не покраснела.

А я... ощутила некоторое неудобство, и только. Не знаю, как еще описать. Уже вечером, оставшись наедине с собой и заперев дверь, во избежание так сказать, я воткнула в руку иголку.

Ничего.

И даже когда игла пробила ладонь насквозь... пришлось постараться, но... по-прежнему ничего. Я помахала рукой. Пошевелила пальцами.

Не ощущать боли, конечно, в чем-то хорошо, но...

И во сне я тоже не нуждалась. Не испытывала усталости. Или вот голода.

Я прислушалась к себе. Да, чувства были какими-то... приглушенными? Сложно подобрать слова... зато магические потоки виделись ясно. Я и предположить не могла, что наш дом настолько особенный.

Темные токи деструктивной энергии устремлялись вниз, возвращаясь к источнику, который я воспринимала весьма ясно. Даже удивительно, что прежде я не знала...

Не предполагала даже... И не только я...

Отец? Дед? Бабушка? Дед знал наверняка и, значит, бабушка тоже... с отцом – вопрос, но... почему источник не почуяли дознаватели, когда проводили расследование?

Или...

Нет, в реестре известных силовых точек, который обновляется ежегодно, дабы все заинтересованные лица имели доступ к важной информации, наш дом не значится.

И не значился, готова поклясться, в последнюю сотню лет...

Хорошо это? Плохо?

Тайна была, и если меня в нее не посвятили...

Я потеряла виски. Не стоит спешить. Времени теперь у меня много, возможностей тоже прибавилось, следовательно, разберусь. И вообще проблемы стоит решать по мере их возникновения. Главная на сегодняшний день – любимые родственнички, которые не слишком-то рады моему возвращению. Здесь я их в чем-то понимаю. Правда, понимание это не настолько велико, чтобы вернуться в прежнее состояние.

И да, мне все более и более интересно, как я умерла.

Иголку я воткнула в подушечку для иголок. Ее же убрала в корзинку для рукоделия, подаренную заботливой тетушкой на Единение. Пригодилась-таки...

И дальше что?

Я легла в кровать. Закрывает глаза. Тоска...

И кроме деструктивных потоков есть и светлая сила. Она, напротив, течет снизу вверх. Мое перестроившееся зрение позволило увидеть, как истончаются потоки силы, распадаются на ручейки, а те вплетаются в камень, укрепляя стены. Надо же...

А бабушка рассказывала, что дом особенный... и что нельзя, чтобы попал он в чужие руки... и завещание составила таким образом, что ни продать, ни подарить особняк я не могу. Правда, подобные дикие мысли мне и в голову не приходили, и поначалу завещание это меня несколько оскорбляло, но теперь я ее понимаю...

Шорох. Не здесь. Слух обострился, правда, как-то избирательно. Звуки дома – скрипы, стоны и шелест воспринимались отстраненно. Сознание отмечало их и отбрасывало, как не представляющие интереса, а вот шорох... Тихий такой. И вздох.

Кто-то крадется? А это уже интересно... кому тут не спится в ночь глухую?

Я встала. Одернула шелковый пеньюар, запоздало подумав, что белый шелк – не самый лучший выбор для ночных прогулок, но как-нибудь.

Кто бы ни крался, теперь я слышала стук его сердца. Или ее? И запах... сладковатый аромат пота, из-за которого рот мой наполнился слюной. Тело же само прижалось к стене. А потом когти... и я моргнуть не успела, как оказалась на потолке.

Что характерно, мне не было неудобно. Непривычно, но...

Приличные девицы по потолкам не лезят, даже если они, то есть девицы, а не потолки, не совсем чтобы живые.

Безумие.

Но вид открывается неплохой, да... и сила тяжести не особо ощущается. И потолок вязкий, он принимает когти, а когда вытаскиваю их, срачивает шрамы.

Человек... Моя кухня? Крадется... И главное, как-то вот нелепо крадется... то и дело останавливается, кутается в шелковый халатик... Да уж, мою гардеробную они ополовинили. И все-таки этот оттенок алого ей не слишком идет. Да и халатик ей явно маловат, на груди не сходится, и ниже тоже... и куда она так спешит-то?

Я слотнула. Нехорошо на кузин слюной капать.

И главное, реакция-то совершенно произвольная. Желания немедля свалиться жертве на голову не ощущаю. Более того, сама мысль о том, что в пухлую эту шею придется впиваться, рвать клыками... Впрочем, слюну я сглатывала старательно.

Мерзость.

И запах духов. Мои любимые, к слову... были... «Роковая ночь». Нет, они по-прежнему хороши, такой вот сладковатый аромат с резкими перечными нотами, но не в таком же количестве!

Я тихонько чихнула, прикрыв лицо ладонью.

Но кухня услышала. Остановилась. Закрутила головой.

– Кто здесь? – овечье ее блеяние утонуло в ночной тишине. Я же удержалась от ответа.

Кухня стояла. Я висела. И ждала. Нет, любопытство – это не порок, это способ сделать жизнь интересней. А комнаты кузена в другой стороне. И мнится, что отныне тетушка своего драгоценного мальчика на короткий поводок посадила к его огромной радости...

Она тронула волосы. Воровато огляделась. И сняла домашние туфли. Чулочки подтянула. Сетчатые.

Эти не мои, что душу греет... а ноги у нее неплохие, надо сказать... и задница, которую мой пеньюар едва-едва прикрывал – вот что за манера чужое белье тащить? – тоже в меру пышна и округла. Один мой приятель в минуту душевных откровений, которые с ним приключались в постели, сказал, что идеальная женская задница такой и должна быть... и еще мягкой.

Кухня ему бы понравилась.

Впрочем, о чем это я... ему нравились слишком многие, что и стало причиной нашего расставания. И не в ревности дело, отнюдь, но... при жизни, что бы там ни говорили, я отличалась разборчивостью. Как-то не было желания подхватить дурную болезнь...

А вот и дверь. Ага... И стучать не спешит, но из кармана появляется махонький флакончик. Интересненько...

Я перебралась поближе. Темное стекло. Плотная пробка... многогранник, причем явно ручной шлифовки. Сейчас подобные не выпускают. А главное-то стекло драконье и парой рун запечатано. И следовательно, содержимое флакона – сомневаюсь, что она там розовое масло хранит – не подвластно движению времени.

Капля жидкости. Резкий запах ее заставил отшатнуться, но он вспыхнул и сгорел, впитавшись в бледную кожу кухни. Вот же... а флакон исчез в кармане халата. Халат же был снят и бережно сложен на козетке... Гм, выходит, в них тоже есть какой-то смысл, а я убраться собиралась.

Кухня тронула волосы. Мазнула своим запястьем по губам. Покусила их. И нажала на ручку.

Ага... а инквизитор не дурак, закрылся. Причем не только на задвижку, но и пару заклятий повесил, вижу, расплзлись по двери пауками... а ночь все интересней и интересней.

Кухня мучила ручку. Дверь держалась.

А я ждала продолжения, слатывая слюну... Это что, я теперь на всех людей реагировать так стану? Или это только ночной рефлекс? Надо будет поэкспериментировать...

Кухня наконец сообразила постучать. И еще раз. И ногой... вот же, а упорства ей не занимать. Еще бы в мирных целях...

Ей открыли.

– Что случилось? – поинтересовался Диттер.

А без одежды он ничего. Тошеват. Жилист.

Но при этом сложен гармонично. И встрепанный такой после сна, измятый... теплый... Я торопливо мазнула ладонью по лицу. Твою ж...

– Случилось, – всхлинула кухня, поспешно падая на обнаженную мужскую грудь. Правда, маневр не совсем удался, поскольку реакцией дознаватель обладал отменной и успел сделать шаг назад. Упасть кухне он не позволил, подхватил под локотки и втянул в комнату.

Эй, так не интересно...

А с другой стороны, приоткрытая дверь – это почти приглашение. И грех им не воспользоваться, тем паче, чую, что мое присутствие для дознавателя тайной не осталось. Впрочем... я ведь не прячусь, а что гуляю по потолку, так мало у кого какие странности. Правда, прежде чем войти, я соскользнула на пол и прибрала флакончик. Утром в лаборатории посмотрю, что за гадость такая. Тоже мне... соблазнительница.

Дом помог. Дверь отворилась беззвучно, и даже сквозняк, который мог бы выдать, не скользнул по ногам. А там уже знакомый маневр. Стена. Потолок. Надо же... а Диттеру отвели вполне приличные покои. Определенно, глянулся он старику.

– Это было так ужасно... так... – соблазнительницу устроили на софе.

Она сидела, как-то хитро выкрутившись, отчего короткий пеньюар стал еще короче. Бретельки опасно натянулись, край сполз, и пышная грудь вздымалась... а взгляд у Диттера к этой груди прикован. К родинке...

У меня похожая имеется, что интересно, на том же месте... Плевать.

– И теперь вы понимаете...

Белые ноги. Кружевной край чулок. Пот на смуглом лбу дознавателя... и взгляд плывет... плывет взгляд.

– ...как тяжело одинокой девушке, за которую некому заступиться...

И подвинулась чуть ближе.

Протянула руку, коснувшись щеки инквизитора... этак она его изнасилует самым циничным образом. И не то чтобы мне было так уж жаль, в чужую жизнь я не лезу, но... сдается мне, что эта вот страсть, с которой он борется – борется, я вижу – слегка искусственного происхождения. А если я чего не люблю, так это подчиняющих зелий во всем их многообразии.

Когда кухня потянулась, явно желая приступить к активным действиям, я не выдержала.

– Бу, – сказала я, отпуская потолок.

Тело двигалось... легко двигалось. Кувырок в воздухе. Легчайшее касание пола пальцами и... Кухня отшатнулась. Орать не стала, уже хорошо... опыта набирается?

А Диттер моргнул и взгляд перевел. На меня... такой вот затуманенный, одурманенный взгляд...

– Я. – Я широко улыбнулась, только теперь вид клыков не произвел на кухню впечатления.

– И хорошо... – сказала она, ткнув в дознавателя пальцем. – Упокой ее. Видишь, она опасна...

Я? Да я при всей стервозности своего характера, во многом воспитанного дорогими родителями, никого никогда не убивала... а тут...

Белое облако возникло на ладони Диттера... и истаяло.

– Упокой, – нахмурившись, повторила кухня. И подскочив, обняла несчастного. Вот... а если у него сердце не выдержит? Или еще что... люди такие слабые, а этот и вовсе дефективным достался. Послали, кого не жалко, мне теперь переживай. Если штатный дознаватель скопытитя, потом доказывай, что не по твоей вине...

– Разве ты не видишь? Она опасна... она нам мешает... мы будем вместе до конца жизни...

От подобной перспективы меня передернуло. И не только меня.

Диттер разжал губы и тихо произнес:

– Бегите... не уверен... что... справлюсь...

Бежать? Да Гретхен Вирхдаммтверег никогда и ни от кого не бегала. Я поступила проще. Шаг. Камин. И бронзовая статуэтка Плясуны, на лице которой мне привиделась язвительная усмешка. Шаг. И затылок кухни.

Была я аккуратно: дура, но все равно родственница, да и уголовный кодекс опять же... Главное, что эта интриганка, чтоб ее, и глазом моргнуть не успела. Инквизитор моргнуть успел, но и только.

Потом извинюсь. Когда в себя придет... Если придет. Все-таки какой-то он хилый... но увесистый, никак кости тяжелые. Я оттащила Диттера в спальню и принялась.

Кровушка, мать ее. Сладкий терпкий аромат, настраивающий на весьма определенные мысли. Рот опять наполнился слюной. Вот же... слюну я сплюнула в фарфоровую вазу на редкость уродливого вида. Историческая ценность, чтоб ее...

Весь этот дом теперь одна большая историческая ценность... а вот на туалетном столике громоздились разного рода склянки. Что еще? Пошарпанный кофр за креслом... как его только не убрали? В гардеробной – пара костюмов, рубашки... белье нижнее крепко ношенное. Носки. Подтяжки для носок... ничего в общем-то интересного...

Я поморщилась. Не то чтобы я рассчитывала обнаружить что-то такое... но гость изрядно утратил загадочности. Вернувшись в спальню, я склонилась над телом. Живой. Сердечко стучит. А вот запах крови поутратил прежнюю сладость, теперь в нем чуялась весьма характерная горчинка. Болеть изволят... и надо, надо будет пригласить целителя, пусть глянет.

Дышал он ровно. А вот в груди клекотало... легкие, стало быть... ага, вон и платок со следами крови обнаружился. Его я сунула в карман – по крови знающий человек многое сказать способен. Мне почему-то казалось, что диагноз Диттеру известен, как и прогнозы, но делиться знанием он не захочет. Люди вроде него отличаются редкостным, порой просто-таки иррациональным упрямством.

Поцеловав инквизитора в лоб – не удержалась, признаюсь, – я перевернула его на живот и стянула запястья шнуром. Подумала, и ноги тоже стянула. А поверх кинула дымку темных пут. Так оно всяко надежней... а то мало ли, что в замороженную головушку взбредет. Как выветрится, отпущу...

Если выветрится.

Эту подлую мыслишку я отогнала: не знаю, на что рассчитывала сестрица, но приворотных зелий А-класса не так уж и много в современном мире.

Сестрицу я тоже связала. Благо портьеры старые, шнуров в них, формирующих правильный облик, хватит на всех родственничков...

И заклятье кинула. Тоже на всякий случай. Рот заткнула. Носком Диттера... а что, хороший, качественный, не простыни же в самом деле портить из-за такой мелочи... прикрыла пледиком. Не из любви, но пеньюарчик мой несколько сбился, а потому вид у кузины был чересчур уж вызывающим.

Будем считать, что я о девичьей скромности беспокоюсь. Или о моральном облике дознавателя. И вообще...

Полог тишины получился подозрительно легко. И вообще сила стала тише, послушней. Она больше не стремилась выплеснуться, разрушая хрупкие контуры новорожденного заклинания... Красота.

Дверь я заперла на ключ. Вернулась к себе. Переделалась. А то ведь тоже... вид не тот... и пусть стыдливостью я никогда не страдала, но в лаборатории пеньюарам не место.

На рабочий костюм мой никто не покусился. Серенький. Невзраченький. И парой-тройкой пятен украшен. И давно пора бы новый заказать, но я к этому привыкла. Зачарованная ткань пообмялась, утратила исходную жесткость, которая в первое время здорово меня раздражала.

Запахи... Дыма. И серы. И трав.

Я прижала костюм к лицу. Все хорошо... я ведь жива? Жива, в какой-то мере... и как надолго? Почему именно я? Не отец, не мать, не бабушка, в конце-то концов... а я... последняя из рода? В этом ли дело? Если так, то воскрешение лишено смысла, поскольку детей у меня точно не будет. Плясунья властвует над смертью, но бледноликая сестра ее крепко держит в руках нити жизни. И ночным созданиям...

Так, не хватало расплакаться. Вирхдаммтервег не плачет. И вообще у меня дело есть.

Глава 6

Черный флакон с плотной пробкой, которую украшало два знака силы. Сердце и разум. Очень интересно и... кажется, я знаю, в чем дело.

В лабораторию никто не заглядывал. И хорошо. Нет, дверь из железного дуба крепка, а троица замков не самого простого сложения надежна, как и допуск на крови, но кто их, родственничков моих разлюбезных, знает?

Дверь открылась беззвучно.

Пахнуло пылью. Травами. Гарью... Печь пора было бы почистить, но все руки не доходили, как и до уборки. Слугам сюда ход был заказан после того, как одна особо одаренная горничная решила смешать себе гламарию... Дура. И то, что кожа просто слезла – удача... и вообще, тех, кто печатает эти рецептики в газетенках, пороть надобно. Придумать тоже, использовать вытяжку из бычьей желчи вкупе с кровью и белодонницей...

Световые камни постепенно разгорались. Зарядить бы, все ж давненько я сюда не заглядывала. Все дела какие-то, а какие – и не вспомнишь уже... или не в них дело, а в осознании, что с бабушкой мне не сравниться. Она – талантливейший алхимик, а я... я и с даром своим не способна совладать. Не способна была. Я потеряла переносицу.

Потом пострадаю, сейчас же... включить вытяжку. Активировать защитные контуры. И маску надеть. Нежить я или нет, это пусть богословы выясняют, вкупе с Академией наук, а техника безопасности для всех писана. Перчатки из шкуры виверны. Записывающий кристалл... на две трети пуст, значит, хватит. Итак... день, время... имя... говорить легко. Привычка – вторая натура... да...

Осмотр флакона. Никаких меток я не обнаружила, что и понятно: кто захочет светить свой талант... а вот потертости и царапины явно говорят, что флакону лет немало. Пробка потемнела. А в основании и пропиталась парами зелья, окрасившими пробковое дерево в темно-зеленый цвет. Подобный яркий и вместе с тем глубокий оттенок дает корень кладбищенской полыни, взятой с могилы девственницы-самоубийцы... интересный ингредиент, не сказать, чтобы запрещенный, но... сомнительный.

Чуть сдвинув маску, я понюхала пробку. Сладковатый аромат. И толика мяты. И... А вот эту резковатую ноту я узнаю. Чемерица бледная. Сама по себе нейтральна, но поглощает силу и при правильной концентрации – а я не сомневалась, что автор чудо-зелья знает толк в травах – способна многократно усилить эффект.

Флакон был почти пуст. Темная капля выкатилась на стекло. Довольно плотная консистенция. И цвет такой... с переливами. Значит, не обошлось без белокрыльника метельчатого. А вот он подпадает под первый список. Прелесть какая... я провела стеклом по стеклу, размывая каплю.

Универсальный нейтрализатор, как полагаю, будет слабоват. Нагрев. И пары уходят в тонкую трубку анализатора. Камера окрашивается темно-алым. А вот это уже и не первый список, но нулевой – кордилия болотная, или бледнотравница, она же – поганица бледная, или сумеречная травка. Появляется только в местах с нестабильным магическим фоном, да и то не в каждом... а уж чтобы взять правильно, жертва нужна. Но если выйдет, то...

Мне доводилось читать прабабкины дневники об обращенных. Вытяжка кордилии полностью подавляет волю, а уж далее – дело техники... внушить любовь. Ненависть. Любое другое чувство... создать из человека идеального слугу, спутника, готового ради хозяина на все... отвратительно. А самое поганое, что нейтрализовать эту пакость не так и просто.

На панели загорались огоньки, а тонкие спицы самописца пришли в движение. С шипением вырвался пар из страховочного клапана, а я вздохнула и потеряла виски.

Итак, кухня собиралась... что собиралась? Избавиться от меня? Определенно. Вряд ли она хотела просто взять и устроить личную жизнь с малознакомым типом. В любовь с первого взгляда не поверю, да и со второго тоже... Тем более что не так давно кухня оказывала, как это принято говорить, знаки внимания совсем другому кавалеру... Нет, дело не в любви...

А вот избавиться от проблемы чужими руками... и от рук тоже, поскольку расследования не избежать, а мертвецы... и от тела... пожар в доме? Или что-то в этом духе... главное, трагедия.

И если кто виновен, то проклятая нежить. Или обстоятельства.

Я постучала когтем по столешнице. И вот что мне делать?

Лента ползла, самописцы старались, раскладывая чужое зелье на ингредиенты. Ага... и вот слизь черной лягушки, еще один презанятный компонент запрещенного списка. Раньше на основе этого зелья готовили эликсир подчинения, говорят, крайне полезная была вещь... особенно при дознании... правда, разум уродовала...

Может, им обоим шеи свернуть? И представить, как неудачный эксперимент кухни... Решение самое простое, но вот... сдается, смерть моего гостя будут расследовать весьма тщательно, и расклад будет не в мою пользу. А значит, придется вытаскивать.

Мушиная пыль... ага... обыкновенные псиллоцибины... опиум... стимуляторы, чтобы сердце не остановилось... логично... а вот и дурманник решетчатый, чей аромат вызывает непреодолимое сексуальное влечение. Да уж... что-то мне бедолагу даже жаль. Не знаю, что он испытывал, но удар по голове в этом случае – проявление милосердия.

Осталось понять, как эту дурь вывести можно. Я присела. Развернула лист... Плохо, что анализатор лишь состав раскладывает, а вот понять концентрацию... нет, можно, конечно, но на это уйдет пара часов. Да и материала осталось мизер... значит, будем думать логически.

Сердце и разум.

Что-то подобное уже встречалось... Читала? Слышала? Вспоминайся, чтоб тебя тьма побрала... подчинение, но... сердце... это просто, приворот... кто на свете всех милее? Вот-вот... привороты сами по себе долго не держатся... а вот... ага... вытяжка из корня нетленника. Пролонгирующий компонент. А в сочетании с магической составляющей эффект будет длиться...

Эти два – стабилизаторы. Наполнитель. И накопители... а вот и сердце состава. Нет, зря я говорила, что я никчемный алхимик. Пожалуй, при случае надо будет попробовать воссоздать рецепт. Не то чтобы мне хотелось кого-то привязать к себе, но задача уж больно интересная...

Итак, если идти от противного. Кровохлебка красная... и кровь... кровь добавим потом. Пара капель донника белого... мельнский мед, который и не мед, и давно уже добывается за пределами Мельна, однако стоит ли заострять внимание на подобных мелочах? Главное, что лучшего адсорбента никто еще не придумал. Кахарская пыль.

Головная боль дознавателю обеспечена, но лучше этого праха – стоит он, к слову, целое состояние – навязанную волю ничто не снимет... Плохо, что пыль не стабильна, но ничего, добавим толику жидкого воска и тот же безвременник. Зелье получалось равномерно густым. Хороший признак.

И вот каплю яда вельены... надеюсь, сердце у него крепкое, ибо парализу, чувствую, Диттер не слишком обрадуется. Однако если зараза в крови, то яд ее выжжет. Полулунница для укрепления... или нет?

Бабушка говорила, что чем проще, тем лучше... Сделаю два зелья... да и делать не нужно, в стазисе, помнится, есть еще пара флажков. А вот без темной крови не обойтись...

Я осторожно вскрыла запястье. Не больно. Совсем. А крови... на кровь это мало похоже, желтоватая мутная жидкость, которую пришлось выдавливать. И порез, главное, затянулся моментально. А вот зелье мое, приняв новый компонент, застыло... Магия. И... хорошо бы на крысе какой проверить.

Я с сомнением потрясла колбу. Содержимое ее приобрело темно-красный цвет, такой вот... характерный весьма. Оно было плотным. И тяжелым. И магией от него несло как от старого алтаря. Вот же... даже как-то... неудобно поить таким.

Ладно. Авось и выживет.

Кузина очнулась и остервенело жевала инквизиторский носок. Выражение лица у нее было соответствующим.

– А что я? – Я обошла ее стороной. – Сама вляпалась, сама и ответишь...

Она промычала что-то, явно матерное, и гордо отвернулась. Насколько шея позволяла. Ничего, вот откачаю душку-Диттера, тогда и посмотрим, кто здесь всех румяней и белее...

Он лежал тихо. Сосредоточенно, сказала бы. Дыхание ровное. Глаза закрыты, но ресницы – неприлично мужчине иметь настолько длинные и пушистые ресницы – слегка подрагивали.

– Вам... – он с трудом выдавил это слово. – Лучше. Уйти. Не знаю... что это...

– Заткнись, – ласково попросила я, присаживаясь рядом. – У тебя аллергии ни на что нет? Впрочем, не важно...

От отека я худо-бедно спасти сумею, а вот от кузининого чудо-зелья его корежило, что свежего лича от намоленной воды...

– Рот открой, – я попыталась подцепить пробку, но, похоже, на нервах – мертвым ничто человеческое не чуждо – слишком уж крепко загнала ее в горловину колбы. Твою ж... И главное, плотная такая...

Но зубами открывать все равно не следовало. Пробка вышла с противным всхлипом, и на губах стало мокро. Вкус зелье имело преотвратный.

Я мазнула ладонью, стирая капли. Будь бабуля жива, вновь бы за ремень схватилась... кожаный, отцовский... как в тот раз, когда я полезла варить любовный эликсир, не озаботившись активировать защиту. И была бы права. Безусловно.

Я сплюнула. Ну и гадость же сварилась... Нет, вреда оно не причинит, но вот эту вязкую горечь я буду долго еще выполаскивать...

– Давай... глоточек за маму... – Я приподняла Диттера. За горло. А как иначе? Колбу не поставишь, а он, пусть и тощ, но увесист.

– За папу...

Он честно попытался глотнуть мое варево, но от запаха его скрутило...

– За доброго дядюшку...

– У... – он икнул. – У меня не было доброго дядюшки...

– У меня два. Могу поделиться. – Я прижала колбу к губам. – Будешь выпендриваться, нос зажму.

Он сделал глоток. Закашлялся, плюнув зельем... прелесть какая, я его тут спасаю, а он плюется... нехорошо, однако.

– Я... с-сирота...

– Я тоже. – Я рывком подняла его на ноги. Инквизиторская шея слегка хрустнула, но выдержала. А вот рот открылся, и я, воспользовавшись случаем, влила содержимое колбы в него. А потом резко отпустила шею и рот этот зажала. – Потом вместе пострадаем...

Диттер захрипел. Но зелье проглотил. Умничка моя... икнул. Срыгнул. И осел на пол... вот тебе и... живой? Живой... сердечко вон колотится так, что из груди выпрыгнет. Свежее, мягонькое... сладенькое...

– Т-сы... – раздалось сзади.

Надо же, носок сожрала. Или выплюнула? Не важно.

Главное, что дальше кузина высказалась от души... и какие обороты. Даже я кое-что новое узнала, а ведь полагала себя человеком просвещенным...

– Сама дура, – лениво ответила я, нащупывая пульс на инквизиторской шее. Пульс присутствовал, но слабенький. И сердце, не выдержав напряжения, срывалось.

Плохо. Если он загнется, то...

– На что ты вообще рассчитывала?

Кузина зыркнула на меня и, открыв рот, заверещала:

– Помогите!

– Полог, дура...

А в дверь вдруг постучали... как постучали... не будь она из заговоренного дуба, развалилась бы.

– Никого нет дома, – проворчала я, уже понимая, что так легко не отделаюсь.

Кузина завизжала громче.

Дверь задрожала, принимая на себя черное проклятье...

Глава 7

Вот ведь наглость, а реставрацию потом кто оплатит? Вон... завтра же всех вон... Или счет выставить? Пригласить любезнейшего Аарона Марковича... Уж он-то, как никто другой, умеет доносить до окружающих мысль, что чужое имущество не то чтобы неприкосновенно, скорее уж прикосновения несанкционированные могут вылиться в весьма внушительную сумму.

Диттер захрипел и выгнулся, явно собираясь душу к богам отпустить. Э нет, красавчик, я так просто не позволю...

– Она его убива-а-ает! – этот голос ввинчивался в уши, заставляя пожалеть, что слух у меня стал куда острее прежнего.

Может, поэтому высшая нежить людей недолюбливает? Встретишь такую вот в темном переулке, а она визжать...

– Заткнись уже...

Он задышался. Посинел и... Сердце с перебойми, но выдюжит, а вот дышать... заставим дышать... иначе меня здесь же и похоронят. Я прижалась к инквизиторским губам, от которых отчетливо пованивало тухлым мясом – надо будет доработать рецепт, мяты там добавить или кошачьей травы... а пока дыши, зараза... я не могу, а ты вот будешь.

Вдох. И надавить на ребра, имитируя выдох. И вновь вдох... и выдох... кажется, дверь-таки рухнула... двести лет стояла, никому не мешая, а тут нате вам... родственнички...

Кто-то взвизгнул. Кто-то... кажется, в обморок упал... Громыкнуло... полыхнуло огнем... и я рукой поймала черный шар проклятья, которое впиталось в кожу, не причинив вреда. Напротив, я ощутила прилив сил... а инквизитор закашлялся и задышал. Прелесть ты ж моя неумиручая...

– Отойди от него, тварь! – раздался дрожащий и не слишком-то уверенный голос.

А вот и жандармерия...

Да, определенно, кухня неплохо подготовилась. Сама ли? Сдается, на этакий выверт ее куриных мозгов не хватило бы, но если вместе с тетушкой. Или дядюшкой.

У Мортимера аккурат в жандармерии знакомые имеются... и отнюдь не те, которые ныне к стеночке жмутся и в бедную девушку оружием тычут.

– Еще чего, – я вытерла рот ладонью, запоздала вспоминая, что цвет зелье имело специфический...

– Она его сожрала, – слабо всхлипнула тетушка Фелиция, хватаясь за грудь. Она и глаза закатила, но от обморока удержалась.

– Убийца! – охотно подхватила кухня. – Помогите... помогите мне...

Помогать почему-то не спешили.

Правильно, понимаю... Они рассчитывали обнаружить мои останки и, полагаю, не только мои, а тут целая я... активная, так сказать...

Я руку на грудь Диттера положила. Дышит. И ритм выровнялся. И вообще, кажется, кризис миновал, осталось дожидаться, пока глаза откроет... Надеюсь, что откроет и пошлет эту благодарную публику лесом дальним.

– Руки вверх! – Молодой жандарм, на круглой физии которого читалась готовность к подвигу, взмахнул револьвером. – А то стрелять буду!

– Стреляй, – разрешила я, усаживаясь по-турецки. – Но, если ты мне тут что-нибудь разобьешь, возмещать будешь из своей зарплаты.

Жандарм сглотнул.

А то... понаехали тут... вон, ковры затоптали, двери выломали... и никакой управы.

– Сделайте же что-нибудь! – потребовал дядюшка Мортимер и попытался толкнуть второго жандарма, но тот был опытен, солиден и телом, и обличьем, а потому на провокацию не поддавался.

– Не положено, – веско ответил он, отступая к двери.

С меня он не сводил настороженного взгляда, явно прикинув, что одной зачарованной пулей меня не остановить, а вторую выпустить я не позволю. И вообще, тише будешь себя вести, дольше проживешь.

Это нехитрое правило было понятно.

– Она же... она его пожирает! – тетушка Нинелия прижалась к стене. – Живьем!

Диттер дернулся. Закашлялся и открыл глаза. Живой, засранец... будет знать, как открывать двери подозрительного вида девицам.

– Целиком не сожрет, – веско заметил молоденький жандарм.

А револьвер у него не форменный. Где только раскопал этакую дуру? Или тоже романчиками Нового Света увлекся? Дух свободы, колоний и прерий... дикари, золото... Может, зря я отказалась поучаствовать в перевозках? Говорят, дело неплохо идет... еще и торговлю наладили спецтоварами для желающих немедля на золотые прииски отправиться?

Или все-таки... Сегодня золотая лихорадка есть, а завтра нет, и пошли убытки.

Я почесала кончик носа, мысленно одобряя принятое когда-то решение. Долго Остербойское товарищество не протянет... наверное.

– Но... но как же?

– Никак не сожрет, – уверившись, что прямо сейчас я нападать не стану, жандарм приободрился. – Даже у нежити желудок имеет ограниченный объем. Некоторые виды, правда, при наполнении его имеют обыкновение извергать свежесохранное...

Несохраннный инквизитор пошевелился и открыл второй глаз. В них мне привиделся немой вопрос.

– Однако и в этом случае остается немалый объем биологического материала для проведения экспертизы.

– К-какой, к матери твоей, экспертизы?! – вскипел дядюшка. А амулетик надеть не решился, благоразумный ты наш... поэтому и нервничает, привык к дармовой силушке.

– Криминалистической. – Жандарм сдвинул серебряную ласточку на лацкане, отправляя сигнал в участок. Стало быть, не пройдет и четверти часа, как прибудет подкрепление.

Странно, что они вообще малыми силами сунулись. Или... два трупа и чем меньше свидетелей, тем лучше... а в толпе за всеми не уследишь, вдруг да заприметит кто лишнего?

– И что исследовать станут? – поинтересовалась я, поддержания беседы ради.

А заодно медленно наклонилась над Диттером. Медленно – ибо нервы у жандармика слабые, приключенческим чтивом расшатанные, еще пальнет... и попадет сдуру, а мне потом с заклятым серебром разбирайся. Может, для нынешнего моего организма особого вреда не будет, но рисковать не хотелось.

– Кости, – подумав, ответил полицейский. С меня он не спускал настороженного взгляда. – Степень погрызенности. И следы погрызов будут сличать со строением челюстей.

– Это важно, – поддела когтем шнур, но тот оказался довольно-таки прочным.

Диттер лежал тихонько, явно не совсем осознавая, где находится и что вокруг происходит.

– А еще концентрацию желудочного сока, – паренек слегка зарделся. – В последнем номере «Нежитиеведения» была статья уважаемого мэтра Крюнгерхдорфа...

А я номерок пропустила. Впрочем, доставляли почту исправно, значит, будет в библиотеке. Как раз и ознакомлюсь. Работы мэтра и в моей душе находили отклик...

– ...что концентрация желудочного сока у ряда видов индивидуальна, к тому же различается содержанием некоторых белковых компонентов...

Шнур поддался. Путы и вовсе развеялись, стоило лишь подумать, и Диттер с немалым облегчением пошевелил руками.

– Он... двигается, – слегка запинаясь, произнесла Нинелия.

– Это агония.

– Двигается!

– Мэтр Брюхгирненнер, наш специалист по вскрытию, утверждает, что в некоторых случаях физическая активность тела сохраняется часами...

Диттер закашлялся.

– А... может, он того... – Нинелия сделала шагочек к двери.

– Невозможно, – веско заметил жандарм. – Способность к трансформации не передается ни через погрызы, ни через ослонение...

– Я его не слюнявила! – Нет, это уже и не безумие даже, а дурная комедия. – И не грызла.

А то мало ли... пойдут слухи, потом не разгребешь. Знаю я местных сплетников, будут со смаком описывать, как я облизывала свежепреставившегося дознавателя с целью поднять одного из мертвых. И главное, что свидетели найдутся, а здравый смысл и даже вполне себе здравствующий Диттер – не аргумент.

– И половым путем тоже...

Может, этому умнику просто шею свернуть? А что, хрусь и все...

– Я жив, – Диттер соизволил подать голос.

– Это еще доказать надо! – Дядюшка Мортимер был настроен скептически. – Может, он тоже... и вообще, даже если жив, еще не значит, что в своем уме!

На редкость здравая мысль, жаль, что не в нашу пользу.

– Проверить просто, – Диттер коснулся пальцами плеча, потом что-то такое сделал, и мне стало неудобно.

Очень неудобно. Настолько неудобно, что я сама не заметила, как вновь на потолке оказалась.

Нет, я знала, что Плясунья и Осиянный не слишком-то ладят, но вот... ощущение, что с меня шкуру содрать попытались и, главное, не совсем безуспешно. А еще понимание, что знак, на долю мгновения вспыхнувший над головой Диттера, способен меня упокоить. Окончательно. И главное, ему ни кол не понадобится, ни пули зачарованные, ни... достаточно захотеть.

Я зашипела. Вот значит, на что кухня рассчитывала.

Знала? Откуда? Я ведь... я читала об инквизиции... приличный некромант должен знать, с кем его с высокой долей вероятности сведет судьба, но вот... в книгах писали о противостоянии, равновесии, договоре, который обе стороны блюдут с тщательностью завязтых бюрократов... Я знала, что есть у них способы остановить разгулявшуюся тьму, но вот чтобы... а кухня... ишь, поблескивает глазами.

– Убей ее! – велела она.

А Диттер стер знак и поинтересовался:

– С какой стати? Оружие уберите, будьте любезны...

В зеленой гостиной из зеленого были лишь шторы и коллекция нефритовых статуэток в стиле локхау. Вполне вероятно, статуэтки были настоящими и представляли немалую ценность, как и каждая вторая вещь в этом доме, но я к ним привыкла как к предмету интерьера...

– Я... я не знала... – Кухина старательно всхлипывала, прижимая то к одному, то к другому глазу кружевной платочек. – Я лишь... Что теперь будет?

Вот и мне интересно. За такие шуточки, говоря по правде, каторга грозила или, если у судьбы случился приступ любви ко всему живому, вечная ссылка. Но что-то подсказывало, кухня выкрутится.

Диттер молчал. Тянул укрепляющий отвар, морщился, то ли от вкуса, то ли от слез кухни. Тетушка хлопотала, уверяя бедняжку, что все поймут... нельзя же из-за недоразумения жизнь девочке ломать.

Дядюшка Мортимер пыхтел и судорожно пытался сообразить, где выгода. На кухню с ее страданиями ему было глубоко плевать, но вот поодиночке у них шансов против меня не было.

– Я... мне... ромала встретила... она сказала, что на мне венец безбрачия, – кружевной платочек замер в дрожащей руке. – Что поэтому ничего не складывается...

– А не потому, что ты мелкая потаскушка? – поинтересовалась я. И получила полный ненависти взгляд. – Что? Не так давно с одним кувыркалась. Я сама видела, что кувыркалась, так что не строй из себя оскорбленную невинность. А сегодня к другому полезла.

Даже я себе подобного не позволяла. Нет, любовники у меня были. Всякие. Но песен о любви я никому не пела и уж тем более не пыталась разум подчинять.

Кухина пошла пятнами и жалобно проблеяла:

– Это... это все зелье... – И новая мысль показалась ей на редкость удачной. Она прижала пальчики к вискам. – Я... я плохо помню, что со мной было...

– Разве можно покупать зелья у ромал! – воскликнул дядюшка, причем возмущение его было столь притворно, что, кажется, он сам себе не поверил.

– Бедная моя девочка... – Тетушка поцеловала дочь в макушку. – Ты так страдаешь... бедняжка тоже пострадала... будет совершенно бесчеловечно угрожать ей судом... любой поймет, что она не виновата.

Диттер прикрыл глаза. И тетюшка замерла. А кухня и вовсе дышать перестала. Он пострадавшая сторона, и, чтобы эти курицы ни пели, как решит, так и будет. И судья разбираться не станет: кому охота ссориться со Святым престолом, особенно в ситуации столь однозначной.

Ромалы...

Да, ромальские шептухи еще та зараза. И заморочить способны, и внушение слабенькое навесить, чтобы потом за снятие его стрясти последние гроши. И совести у них не особо, точнее, гаджо она не касается, но... их ворожба иного свойства.

Травы?

Да, используют, но в основном дорожные, обычные. И силу из них не тянут, скорее пишут свою... да и ни одна ромалка в здравом уме не рискнет делать что-то настолько противозаконное. Во всяком случае, не для чужака... максимум – любовный эликсир с легким возбуждающим эффектом...

– Она... она так говорила... говорила... простите, я не помню... – Кухина смежила веки и сползла на стуле. – Совершенно не представляю, как... я ведь никогда прежде... шла из храма... молилась Невесте... наверное, она там всех поджидает.

– И сколько вы отдали? – поинтересовался Диттер.

– Все... все, что было... двадцать марок и золотое кольцо... прости, мама, я не сказала... мне было так... так стыдно...

Я фыркнула.

Дядя Фердинанд постучал пальцем по записной книжке.

– Когда это произошло?

– Недавно... месяц назад...

Двадцать марок и золотое кольцо? Сомневаюсь, что оно имело хоть какую-то ценность, а значит, пошло бы по цене лома... Итого получается в сумме марок тридцать? Да одни ингредиенты потянут на сумму, в три раза большую...

Но я промолчала. Почему? Кухина... Судя по мрачному взгляду Полочки – что, не ожидал? – мальчик молчать не станет. А значит, пара дней и репутации милой крошки наступит конец.

Ей придется уехать. На год... два... десять. И если так, то смысл разбирательство затевать? Суд опять же... Она, как ни крути, часть семьи, а значит, трепать будут не ее имя, но мое... проклятье!

– Мамочка! – взывала кузина, понимая, что дело пахнет каторгой. – Мамочка моя... я ничего плохого не хотела... чтобы на меня посмотрели... как на нее... чтобы меня тоже любили...

В разных позах.

– Суда не будет. – Диттер допил отвар и, оставив флягу, икнул. – Прошу прощения, но... у меня нет ни малейшего желания тратить время на судебные разбирательства.

Кузина бросила на него взгляд, весьма, как по мне, далекий от благодарности.

– Но леди Осборн придется проявить благоразумие...

Покаяние. И рекомендательное письмо настоятельнице Бернской обители... Что ж, полгода в монастыре, глядишь, и добавят кузине если не смирения, то всяко мозгов. Да и сплетни поутихнут. Большею частью.

Глава 8

– Почему? – этот вопрос я задала Диттеру, когда тот отвлекся от созерцания разгромленных покоев. Явно гадал, тут ему оставаться – кровать не пострадала – или же рискнуть и потребовать новую комнату.

Я не мешала. Мне даже было любопытно, что победит: здравый смысл или скромность.

– Простите?

– Почему вы ее отпустили? Эта сказка про ромалу... вы ведь понимаете, что не было никакой ромалы...

– Но при наличии хорошего защитника доказать этот факт было бы затруднительно.

Диттер тронул искореженную проклятьем створку. И носок поднял, пожеванный, облюбявленный, но с виду вполне целый.

– Боюсь, новые правила и ограничения... не всегда способствуют процессу дознания.

Это да, раньше было проще. Иглы под ногти и никаких адвокатов.

– Ваша родственница сошлется на провалы памяти, слабое здоровье... Врачи подтвердят, что и она находилась под действием зелья... если наносила на кожу, то что-то проникло в кровь, так что остаточные эманации зафиксируют. А уже там...

Он обошел темные пятнышки. А мое противоядие паркет попортило. Да уж... повезло ему, что живым остался. Выходит, не такой он и замороженный, каким выглядит.

– Но ведь дело не только в этом?

– Не только. У меня тоже репутация есть и... не хотелось бы прослыть неудачником, которого едва не подчинила сельская недоучка...

Это он зря. Городок наш, пусть и не так чтобы велик, но не настолько же, чтобы деревней его обзывать.

– Понятно... в этом доме полно свободных комнат. Выбирайте любую.

Я развернулась.

– Спасибо, – донеслось в спину.

Да не за что...

Рассвет я встречала в лаборатории. Ждала даже. С любопытством и готовностью отступить в тень, если истории о непереносимости солнечного света окажутся правдой. Но нет. Огненный шар привычно показался над Гюртербродским лесом. Небо посветлело. Пошло пятнами – желтыми, розовыми, алыми... пожалуй, это было красиво.

В той моей жизни тоже случались рассветы. И пьяноватые. И дурманные. В компаниях сомнительного свойства. И были они красивы, в смысле, рассветы, а не компании, но не хватало им чего-то... покоя? Я сидела на подоконнике, любовалась солнцем и вертела в пальцах черный флакон с остатками зелья.

Инквизитор не спрашивал. Кузина молчала, проявив редкостное здравомыслие.

А я... я в жандармерии не служу, и раз уж дело решили не заводить, то... откуда он взялся у кузины? Зелья осталось не так чтобы много. Состав я расшифровала, а соотношение компонентов и, главное, магический рисунок не снимешь – материала недостаточно.

Что остается? Спрятать в сейф. Там у меня изрядно всякого хранится... а пока... пока подумаю, например, над тем, что делать с дознавателем.

Не то чтобы он меня раздражал, но... неприятно как-то иметь рядом с собой человека, способного упокоить щелчком пальцев. С другой стороны, ничего не дается даром, особенно если это касается божественного. И равновесие... если он может, то и я...

Как? Спуститься бы в храм, поговорить с Плясуньей... Она не ответит. Она редко снисходит до людей, но вдруг да в намоленных стенах здравая мысль забредет в голову?

Но я сидела. Любовалась солнцем.

И осмелев, открыла окно – толстое стекло, щедро сдобренное чарами, искажало мир – и подставила лицо рыжим лучам. Закрыла глаза. Вдохнула терпкий воздух...

Хорошо. Жить хорошо. Даже если ты умер.

Спустя три дня в городской ратуше при изрядном количестве народа, который у нас любит разного рода сборища, не делая особой разницы между ярмаркой и публичной казнью, состоялось торжественное оглашение. И мэр долго и восторженно вещал о воле богов. Чуде. И благодати, которая вместе с моей персоной снизойдет на город. Это он, конечно, зря... У Плясуны, как показывают хроники, собственное понятие о благодати.

Левый глаз мэра подергивался, в правом виднелась тоска по упущенной выгоде: о некоторых наших проектах дражайшие родственники не знали, а следовательно, вряд ли додумались бы потребовать возврата долгов. Мэр то и дело хватался за грудь, кривовато улыбался. Кивал. И смахивал кружевным платочком притворные слезы. Городской казначей был куда более сдержан.

– Я рад за вас, – неискренне проскрипел он, сунув в руку мятый чек.

Вот это правильный человек. Пренеприятный, конечно, но к финансовым обязательствам относится крайне серьезно. Подозреваю, что исключительно благодаря его усилиям город еще не растащили.

Играл оркестр.

Родственнички кривились, верно, от избытка чувств. Дети, которым было глубоко наплевать как на богов, так и на причину праздника, хлопали хлопучками. Ветер носил конфетти. Дамы обсуждали мой наряд и моральный облик... Не то чтобы я подслушивала, но эти две темы в нашем захолустье всегда были актуальны. Некоторые поглядывали на инквизитора, однако ввиду замученного вида и на редкость дрянного костюма – где он только раскопал этакое убожество – особого интереса его персона не вызвала.

В общем... жизнь или недо-жизнь шла своим чередом.

Торжественный обед в ратуше порадовал канаве с подгулявшей семгой, свежими клубничными булочками и прилипшим ко мне мэром.

– Дорогая, я так рад... так безумно рад, – с хорошо отрепетированным восторгом щебетал он, ухватив меня за ручку. Было время, когда хватать он пытался за другие места – наш дорогой мэр еще тот сладострастник и известный прелюбодей, – но пара проклятий, и общение наше перешло сугубо в деловую плоскость. – Но вы же понимаете, что обстоятельства сложились... не самым удачным образом...

– Не хотите ли вы сказать, что я больше не ваш партнер? – я широко улыбнулась.

Очень широко. Так, чтобы клыки видны были. А что, раз уж выросли, то и от них польза иметься должна. Мэр отчетливо вздрогнул, но он был политиком в седьмом колене – род их давненько уже присосался к благодатным жилам городской казны – и поэтому быстро взял себя в руки.

– Что ты, дорогая... как можно... я только о тебе и думал... но дела... ты лучше, чем кто бы то ни было понимаешь, как промедление сказывается на бизнесе... а ждать твоего... гм... возвращения... мы никак не могли... как и включить в состав учредителей...

Все-таки он попытался меня обмануть.

Конечно, где-то я его понимала. Переписывать устав недавно созданного сообщества – еще та морока, однако это не значит, что я позволю сделать из себя жертву обстоятельств.

Я сама подхватила мэра под локоток и, наклонившись к самому уху, прошептала:

– Двести тысяч...

– Что?

– Двести тысяч... вернете в течение недели. Вы же тоже деловой человек, – я сбила пылинку с лацкана. – И понимаете, как сложно слабой девочке в таком запутанном мужском мире... всяк норовит обидеть, обмануть... и бабушка мне запретила верить кому-то на слово. А нет бумаг, нет и денег...

– Денег нет...

– Вот и я о том, – согласилась я, сжимая руку.

– Они в дело вложены...

– В чужое, заметьте... в совершенно чужую мне компанию... но у меня хотя бы расписки остались.

Он пыхтел. И сопел. И губа отвисла, а на высоком челе, в котором наши борзописцы усматривали признак благородства – писаки в городе уживались лишь с правильным, согласованным при городской управе зрением, – отразилась судорожная работа мысли. Само собой, расписки у меня имелись, я не настолько наивна, чтобы вкладывать деньги в сомнительного свойства проект, не оставив себе возможности получить их обратно. И в свое время мэр три недели маялся, не зная, как поступить: попытаться найти другого инвестора, что не так-то просто, или же согласиться с моими весьма скромными требованиями. И предъявить мне было что...

– Хорошо, – прошипел он, выдергивая руку. – Я исправлю бумаги... нужна будет подпись...

– Всегда рада.

Я не удержалась и поцеловала мэра в лысоватую макушку.

– Вы просто прелесть...

Он налился опасной краснотой. Совсем себя не бережет, на государственной-то работе... ему бы отдохнуть, тем более что есть где – на долю мэра приходилось около трети местных курортов... традиционно.

– А вы опасный человек, – заметил Диттер.

Как подошел, я не услышала, и мне это, пожалуй, не слишком понравилось. Как и тарталетка в его руке.

– Выбросьте эту пакость немедленно, – велела я и тарталетку забрала, пристроив на поднос проходившего мимо официанта.

– Но...

– Вы что, никогда на фуршетах не бывали? – с подноса я сняла бокал шампанского, который и сунула инквизитору. – Есть здесь можно, только если у вас запор...

Он хмыкнул. И шампанское пригубил... и проводил уплывшую тарталетку печальным взглядом. Бедолага... а ведь к завтраку не вышел. Он вообще ел как-то крайне мало, а любезный Гюнтер пожаловался, что и от виски наш гость отказывается. Солодового. Пятнадцатилетней выдержки. Сволочь этакая...

– Хотите, – настроение у меня было вполне благостным, – я вас в приличное место свожу?

– Нет.

– Почему?

– Да как-то не привык, чтобы меня девушки по ресторанам водили...

Я фыркнула. Забавный... но это даже мило... определенно, мило...

– Дорогая, не представишь нас? – Глава жандармерии с ходу производил самое благоприятное впечатление. Герр Герман был высок, статен и благообразно сед. Военная его выправка весьма гармонировала со строгим зеленым мундиром, который он, из скромности врожденной, не иначе, украшал лишь одною медалькой.

Серебряной звездой Акхара.

– Это Диттер. – Я подхватила инквизитора под ручку. Все-таки в местном обществе свое надо при себе держать. Это они внешне все такие распрекрасные, а глазом моргнуть не успе-

ешь, как сопрут, присвоят и скажут, что так оно и было. – Дознаватель. Старший. А это герр Герман. Глава жандармерии, дядюшкин закадычный друг и большой шельмец.

Герман захохотал. Смеялся он громко, с большим энтузиазмом, показывая, сколь ему весело. Вот только взгляд оставался ледяным. Меня он не любил. Мягко говоря. И порой мне даже казалось, что он всякий раз прикидывает способ, каким будет избавляться от тела... или учить жизни. Учить жизни, по словам девочек, он любил. И делал это умеючи, всякий раз доводя до грани, но не калеча... Страшный человек.

– Она всегда была такой оригиналкой... – Он пожал Диттеру руку и тот рукопожатие выдержал. А хватку Германа не всякий вынести способен был.

Диттер даже не поморщился.

– К нам тут из вашего ведомства редко заглядывают, – доверительно произнес он и, прицокнув языком, добавил: – Что, черная чахотка? Это правильно, что к нам приехал... У нас тут климат подходящий. Источники. Грязи лечебные... Глядишь, и поживешь еще чуток...

– Спасибо.

А вот теперь Диттер злился. Я же задумалась. Чахотка – это плохо. А черная – очень и очень плохо. Если с обыкновенной целитель – не всякий, само собою, но благословенный, – справится, то против черной средства нет. Болезнь, усиленная проклятьем, медленно пожирает человека изнутри.

Смерть поганая. Медленная. Болезненная. Кости становятся мягкими, мышцы атрофируются. Тело отказывается принимать пищу. И лишь морфий приносит какое-никакое облегчение. Потом тело начинает гнить и... право слово, как по мне, то милосердней призвать Плюсунью, чем милостью лекаря удерживать бедолагу в мире живых.

Герман отошел. А Диттер проводил его взглядом. Недобрым таким...

– И как давно? – поинтересовалась я, отбирая бокал. Шампанское? Виски... и как минимум из нижнего погреба, где еще дед мой собрал самые изысканные сорта.

Морфий... Надо будет Марку отписаться, у него, помнится, был лучший морфий в этом треклятом городе. А то ж с Диттера станется в аптеку пойти, там же порошок разбавляют безбожно. Аптечным морфием только детские колики унимать, это каждый знает.

Кроме моего бестолкового дознавателя.

– Год, – он не стал отнекиваться.

И притворяться, будто Герман ошибся. Поморщился слегка. А я... год – это много... для больного черной чахоткой почти неоправданно много.

– Благословение, но... и оно лишь отсрочку дает, – сказал он. – Мне куда интересней, как он узнал.

А ведь и вправду... Герр Герман у нас, конечно, мерзавец талантливый, но не настолько, чтобы с одного взгляда диагнозы ставить. Он вообще от целительства далек несказанно. И значит... значит, нашептали.

Кто?

Друзей у него, как и у дядюшки, много. Должников еще больше. И быть может, отыскался среди них кто-то, с ведомством Диттера связанный. Кажется, подобная мысль и дознавателю моему в голову пришла. Ишь ты, скривился. Или больно?

– Хочешь, уйдем? – предложила я, озираясь.

Тени-лакеи, закуски, выпивка. Яркие платья дам. Скучные мужские разговоры... Дела, которые решаются, раз уж случай выпал. Сплетни, что гуляют, обрастая новыми и новыми подробностями... Драгоценности, цветы, тоска смертная.

Фальшивят уставшие музыканты...

Глава 9

– Хватит! – резкий голос прервал почти-тишину. – Что ты будешь мне говорить? Это не мои туфли! Я тебе говорю, жмут они!

Старуха в темно-лиловом платье, украшенном аметистами, замахнулась веером на скучного типа.

– Мои не жали, а эти жмут... и веер подменили... ты посмотри, какого он цвета...

Мужчина с вялым лицом и разобранными на пробор волосами попытался подхватить старуху под локоток. Но вдова Биттершнильц отличалась не только склочным нравом, но и немалой для своих восьмидесяти девяти лет силой.

– Руки убери, поганец! – рывкнула она и к просьбе присовокупила шлепок веером по бледной ладони. – Будет он мне тут... я еще не в маразме...

На этот счет мнения в городе разнились, все же старуху здесь любили еще меньше, чем меня. Но я готова была поспорить на половину своего состояния, что фрау Биттершнильц до маразма далеко. Дела свои она вела сама и жестко. Помнится, единственный управляющий, который дерзнул обворовать бедную старушку, по сей день отработывал долг где-то в медных рудниках.

– Туфли не мои... подменили туфли... веер подсунили другой, – она говорила громко, а вот взгляд... взгляд ее был непривычно растерянным. Будто она прекрасно понимала, сколь нелепы ее претензии.

Веер подменили.

– Дорогая, – я потянула Диттера за собой, а он не стал сопротивляться. – Я так рада тебя видеть...

Я клюнула вдову в сухую щеку.

Она не пользовалась пудрой. И кремами от морщин. Не носила шиньонов, собирая поредевшие свои волосы в строгую гладкую прическу.

– Что случилось.

– Веер подменили, – старуха с несвойственной ей готовностью оперлась на мою руку. – Видишь? Он лиловый... а был цвета фуксии... не подходит... я подслеповата стала... тут только увидела... не подходит.

– Бабушка... – тип, которого, признаться, я видела впервые – впрочем, с недоброй старушкой мы пересекались нечасто, попытался отбить у меня добычу. Это он зря... веер, может, к платью и не подходил – странно, кстати, ибо в мастерской мастера Гульденштрассе весьма ревностно относились к деталям, – но вот сделан был на совесть. И на макушку опустился с характерным стуком.

– Изыди, – велела вдова. А мне пожаловалась: – Совсем от него житья не стало... а ты деточка похорошела. Смерть тебе на пользу пошла.

– Попробуйте, может, и вам понравится.

Старушка хмыкнула и, вытащив из сумочки пачку сигарок, велела:

– Проводи меня до сада.

– Бабушка, там сквозняки...

– А ты, зануда, за шалью стоняй... и заодно посмотри, где эту дрянную девчонку носит... Дорогая, не стой столпом. В твои года девица не только в постели двигаться должна... А это кто? Твой? Ты б его хоть придела, право слово, прежде чем в приличное общество тащить...

Она, оправившись от приступа, старательно заговаривала мне зубы, правда, мы обе понимали, что слов недостаточно, дабы загладить инцидент.

На нас смотрели. С жалостью. И жадноватым любопытством.

– Ишь ты... повылуплялись, курицы... думают, я умом тронулась. Но ты же видишь? И туфли-то, туфли не мои... – в саду, окружавшем ратушу, даже летом было пыльно, заброшено и грязновато. Складывалось впечатление, что здешние розы, если и цвели не столько благодаря усилиям садовника, сколько вопреки им. Ныне же они щетинились колючками, угрожающе шевелили слегка подмороженными – укрыть их на зиму никто не додумался – ветвями и, казалось, стоит им дотянуться до несчастного, которому вздумалось прогуляться по саду, как жизнь его обретет безрадостный финал.

От роз я отодвинулась.

А старушка уселась на меченую птичьим пометом лавку, кинула веер и, наклонившись, с кряхтением сняла туфлю.

– Жмут... – Она пошевелила пальцами ноги. – И нечего говорить, что у меня ноги пухнут... это у них мозги пухнут.

Туфельки были бальными. И не совсем. Мягчайшая кожа изнутри, атласный чехол снаружи... камушки, бантики... и отпечаток стопы.

– Мне их когда-то на Островах стачали... взяла сразу две дюжины пар... нигде не делают больше такой обуви... а у меня ноги болят. – Старушка сняла и вторую туфлю, которую сунула Диттеру. – На вот... в городе вторых таких нет... Это меня еще моя бабка, чтоб ей посметрия легкого не досталось, редкостной тварью была, но дело знала... снаружи-то чего угодно наверх-теть можно. У нее обманок две коробки... под всякое платье. В атласе ноги стынут и вообще... будто босая...

От туфли резко пахло потом. И носили ее, пусть и по торжественным случаям, но не раз и не два... а главное, запах был старушечий. Неужели и вправду... деменция, сколь знаю, тем и опасна, что ее крайне сложно заметить вовремя. Сначала милые странности, легкая забывчивость, а глазом моргнуть не успеешь, и вот ты уже увяз в пучине склероза. И маразма.

И... интересно, а мне подобное грозит? Жизнь-то долгая, вернее, не совсем жизнь, но... хроники перечитать стоит. На всякий случай, так сказать.

– Дай сюда, – раздраженно велела вдова. – И послушай меня, деточка... я твою бабку хорошо знала... мы с ней дружили одно время, да... пока она у меня твоего деда не увела. Но то дела старые, кто их помянет... Она мне как-то конвертик принесла один. Велела отдать, если вдруг с тобой что-нибудь да случится... Когда случилось, я и припомнила, да только к чему мертвецам письма?

– Где?

Вдова прикрыла глаза.

– Веер подменили... и обувь тоже... думают, сделать из меня старушку убогую, но я-то знаю... и собаку подсунули другую... нашли шавку... куда Кики пропала? Я этому дуболому жандармскому говорила, а он только скалится... небось, взятку дали. Посади его.

Это было сказано Диттеру.

– А лучше на костер... Помнится, во времена моей молодости взяточникам руки рубили... действовало... ох как действовало... а теперь развелось... и почему? А потому что мотивация не та... в мотивации все дело. Так вот, дорогая... ты завтра навестишь старушку и глянешь, что к чему... а я тебе и письмецо передам.

Она вытянула ногу и велела:

– Надевай... испортить такую обувь. Последняя пара осталась...

– Бабушка... – на дорожке появился давешний белобрысый мужчинка под руку с девицей чахоточного вида. Бледна. Губы с синевой, глаза с поволокой. Платице простое, как и положено компаньонке.

А вдова Биттершнильц дернула меня за руку и этак, предоверительно сказала:

– Еще та потаскушка... а у него в мозгах молочный пудинг... ах, дорогая, правда, от пудинга хоть польза есть...

– Простите, – девушка набросила на плечи старухи кружевную шаль сложной вязки. – Мне стало дурно... слишком душно...

– Забрюхатеешь, пойдешь жить на улицу, – старуха запахнула шаль. – Завтра жду... к обеду... опять кормят невесть чем... точно отравить пытаются. Что ты суетишься, бестолочь? Сколько раз тебе говорить, вести себя надо сдержанно, с достоинством...

Она шлепнула девицу по руке и на щеках той вспыхнул болезненный румянец.

Впрочем, она довольно-таки быстро взяла себя в руки.

– Извините...

– И хватит бляеть... пойдём отсюда... соборище бездельников и лицемеров...

Мужчина, дождавшись, когда вдова удалится, произнес:

– Простите великодушно мою бабушку... Она никогда не отличалась добротой, но с возрастом некоторые черты ее характера стали воистину невыносимы. Теперь ей всюду чудится сговор... она вас пригласила? На вашем месте я нашел бы предлог отказаться от визита...

И лишиться письма, которое вредная старушка просто возьмет и швырнет в камин? Это вполне в ее духе. Правда, не факт, что письмо сгорит, бабуля должна была предвидеть некоторые особенности характера давней приятельницы, но...

Мне интересно. Очень интересно. Тем паче, что от девицы пахло «Страстной ночью». Аромат был слабым, изрядно выветрившимся, но все-таки... для скромной компаньонки странноватый выбор.

Кстати, пахло не только от нее.

Оказавшись дома, я с наслаждением упала в кресло и ноги вытянула, возложив на чайный столик... а ведь права старушка, нынешняя обувь, пусть и хороша, но до крайности неудобна. Каблуки в моде?

На кол того, кто эту моду придумал.

И пусть нынешнее мое тело не знает усталости, и боль, мною испытываемая ныне, весьма эфемерна, но...

– Мне необходимо будет навеститься в Ратушу. – Диттер не стал делать вид, что его в доме нет. Он присел на край другого кресла и поежился. Все же в фамильном особняке он чувствовал себя на редкость неудобно. – А затем на почту...

– У меня есть телефон и телеграф, – я махнула рукой. – Скажете Гюнтеру, он проводит... и почтовая шкатулка тоже, но исключительно для небольших объемов...

– Спасибо, но...

– Правила?

– Именно.

– Тебе нужен целитель.

Он пожал плечами: мол, конечно, целитель не помешает, но при черной чахотке его присутствие – скорее дань обычаю, нежели и вправду необходимость.

– Я напишу семейному... мало ли...

– Благодарю.

– Не стоит. – Я прикрыла глаза. – Больно?

– Пока нет.

– Если станет хуже, говори. Достану нормальный морфий.

Отказываться Диттер не стал, лишь слегка наклонил голову, выражая, надеюсь, благодарность, а не удивление.

– Что тебе рассказали?

– Кто?

– Брось... те чахлые девицы, которые тебя облепили... ты принес их запахи...

Он поморщился.

– Сказали, что я развратная особа?

Кивок.

– И что, связываясь со мной, ты рискуешь утратить душу?

Еще кивок.

Обидно, ничего нового... этак начну подозревать, что фантазия наших кумушек и вправду истощилась.

– И что я играю чувствами мужчин... и одного довела до самоубийства.

– Троиц, – поправил Диттер и улыбнулся. Улыбался он редко, а потому выглядел на редкость очаровательным. Беззащитным... растерянным... так бы и...

– Уже троих...

– Еще двое вынуждены были покинуть город. Удалились в колонии, чтобы там залечить сердечные раны...

– Ложь, – я позвонила в колокольчик и поинтересовалась: – Обед у нас будет? Гость голоден.

– Я не...

– Голоден, – повторила я, и Гюнтер прекрасно меня понял: сытый мужчина во всем лучше голодного. А уж когда речь о дознавателе идет... не думаю, что он про бабушкино письмо взял да позабыл, скорее уж прикидывает, как самому навестить старушку и выцыганить послание. Шиш ему.

– Один проигрался и крепко задолжал, вот и сгинул, чтобы ноги не переломали... второго отец собирался женить, причем не на мне. Он предпочел колонии. И знаешь, я его понимаю... я бы тоже...

Осеклась. Щелкнула пальцами и предупредила:

– Письмо мое... моя бабушка ведьмой была. И старуха от нее не отставала... они вместе в Шпелехской школе учились, а тамошние проклятья хорошо держатся...

– Знаю.

Улыбка исчезла. Надо же... неужели...

Надо будет полистать бабушкин рабочий дневник тех времен, вдруг да и найдется что по теме. Нет, я сомневаюсь, что в бумагах меня ждет чудо-рецепт, способный избавить Диттера от чахотки, но... интересно же.

На обед подали сырный суп с гренками, перепелов, в белом вине тушеных, с сельдерейно-морковным пюре. Глазированный лук особенно удался, как и фруктовые корзиночки. Взбитые сливки. Персики. И хрустящее тесто... правда, ел Диттер крайне мало. То ли стеснялся, то ли аппетита не было...

– Мне взятку предлагали, – сказал он, расковыривая шарик пюре, украшенный семенами кунжута и льна. – За то, чтобы тебя признал опасной нежитью.

– А ты?

– Отказался.

– Сколько?

Интересно, во что мою голову оценили.

– Пять тысяч.

Скромненько. Даже обидно, что так мало...

– Зря отказался.

Что? Жизнь в городе дорогая, и вряд ли его дознавательской зарплаты хватит на более-менее сносное существование. И конечно, один тощий инквизитор дыры в моем кошельке не сделает, но что-то подсказывало, что в отличие от любезного Арчибалда, который не стеснялся перехватывать у меня в долг, над возвратом не особо задумываясь, Диттер деньги брать откажется. Наотрез. А приодеть его надо...

– Кто предлагал-то?

– Твой дядя. И мне показалось, что отказ его не удивил, но... тебе стоит быть осторожной.

Я пожала плечами: он и с живой-то со мною не справился, что уж говорить про нынешние мои возможности, которые я, признаться, и сама представляла плохо.

– Договор, – напомнил Дитгер, наполняя свой стакан лимонной водой. – Если с тобой что-то случится, это может... вызвать определенные последствия.

Он позволил додумать самой. Договор гарантировал равновесие. А нарушение его... оскорбление Плясуньи... и повод к новой войне. Благо мир уже успел позабыть, что предыдущая едва не стерла его в пыль.

– Я поняла, – я склонила голову.

Похоже, нам придется присматривать друг за другом. И не скажу, что я возражала.

Глава 10

Ночь. Что сказать... ночь – такое время, когда надо себя чем-то занять. И в прежние времена вопросов, чем же именно занять, как-то вот не возникало. Здоровый сон компенсацией не самого здорового образа жизни... А тут... Сажу на подоконнике, плююсь в темноту. Дома пусто. Посапывает верный Гюнтер в своей каморке наверху. Нет, не сказать, чтоб совсем уж каморке – апартаменты дворецкому полагались приличные, но вот... я ему давно уже предлагала переселиться в гостевые покои. Все-таки возраст. Подагра. А теперь еще и храп, который доносился сквозь стены.

Кухарка на ночь удалялась к себе... дражайшие родственники, явственно осознав, что наследства не будет не то что в ближайшие годы – в ближайшие десятилетия, изволили наконец убраться. В результате дом опустел, а я...

Я вот на подоконнике устроилась. Сад виден. Огрызок луны. Деревья. Дорожка... собак бы завести, пару приличных волкодавов, а то и вправду как-то несолидно... в лабораторию наведаться стоит, полистать бабкины записи и... и я сажу. Смотрю. Дышу на стекло, которое не запотекает, малюю сердечки и рожицы. В голове пустота, на душе маятно. И главное, понять не могу причин. Все ведь хорошо... чудесно даже... я уже не мертва, а что не жива в полной мере... род жаль. Рано или поздно, но я уйду, и что тогда? Кому передавать наследство? Дядюшке? Теткам? Двоюродным братцам моим, которых я видеть не желала и в принципе... Вздох.

– Не спится? – Диттер появился в этом крыле не случайно. Одет. И что одежда дрянная и словно с чужого плеча, дела не меняет.

– Нет, – я отвернулась от окна и призналась. – Не знаю, чем себя занять...

В городе наверняка играли вечеринку. С саксофоном, золотой пыльцой и шампанским. Комнаты наверху... карты для тех, кому игра ближе... пошлые шуточки и необязательный секс. И меня бы приняли в ту пустую легкую компанию, которая когда-то – была и я юной да глупой – казалась единственно настоящей и живой в нашем тухлом городе.

Да я готова поклясться, что в чередке вечного праздника они и не заметили моего отсутствия. Мертвая? Живая? Есть чем заплатить за марку с пыльцой и бокал шипучки? Добро пожаловать... Только что-то не хотелось.

– Тогда, – Диттер склонил голову на плечо, – может, покажешь дом?

– А ты еще не насмотрелся?

– Нет.

Он подал руку, а я приняла, замерла на мгновение, до того теплой и мягкой показалась эта рука. Мертвое сердце не знает сожалений? Как бы не так... только в жизни никому не признаюсь. Я ведь Вирхдаммтервег. А они не плачут. И не жалеют ни о чем.

– И что тебя потянуло ночью?

Он пожал плечами:

– Мой наставник говорил, что солнечный свет скрывает многое... я уже был здесь однажды.

– Да?

Вежливые разговоры мне всегда удавались.

– Ты меня вряд ли запомнила... ты выглядела в тот день иначе. Серый свитер. Юбка в клеточку. И чулки... Я помню, что ты щипала себя за чулок, и левый постепенно сползал складками.

Твою ж... Я не хочу вспоминать. Не буду.

– Это не был мой первый выезд, но... дело серьезное... интересы короны и все такое, а еще наставник счел, что мне будет полезным...

В тот день я разодрала себе коленку до крови. У меня даже шрам остался, крохотный, полупрозрачный, но... И его не помню. Мало кого помню вообще, потому что слишком много их было, чужаков, заполонивших дом. И все двигались, говорили о чем-то друг с другом, будто не замечали меня. А я... я сидела в кресле и щипала себя, надеясь проснуться. Не вышло.

– Мне доверили присутствовать при допросе. И провести осмотр, – он вел меня по дому, а я шла, хотя следовало бы послать Диттера подальше. Столько лет прошло... Откипело. Отболело. И...

– Несчастный случай, – я слышу себя со стороны. Равнодушие. Легкая насмешка, которая скорее угадывается, нежели ощущается. – Их смерть признали несчастным случаем...

– Мой наставник считал иначе. Он умер спустя полгода после той истории... – Диттер остановился у лестницы. Лунный свет, проникая сквозь окна, красил ее белым.

Нет, это не мраморная белизна, разве не видишь? Вот мягкий легкий желтоватый оттенок... благородная кость... а вот узоры, которые складываются из трещинок... И кажется, надо лишь приглядеться, самую малость приглядеться, чтобы прочесть скрытое послание. Я приглядываюсь до рези в глазах, но... ничего. Пустота. Ночь издевается над дочерью своей.

– Еще один несчастный случай... вернее... не совсем несчастный, убийство, но... как бы тебе сказать... это было простое дело. Молоденькая одаренная, стихийная инициация. Выброс. И его смело этим выбросом. Не справился с ситуацией. У него сорок лет практики, а он не справился.

– Бывает.

– Он был одержим идеей доказать, что твоих родителей убили... дело велели закрыть. В интересах короны. Но интересы совести он ставил выше... и работал дома. Только после его смерти все материалы взяли и исчезли.

– Зачем ты вернулся?

Хороший вопрос. И мне стоит задать его прежде всего себе самой. Зачем вернули меня?

Диттер стоял, опираясь на перила, глядя вниз, в темноту, где вновь же мерещилось движение. И не стоит гадать, что за тварь прячется в древнем доме, построенном на костях и крови.

– Мне недолго осталось, – это признание далось ему с трудом. – Несмотря на благословение, на... лекарства и вообще, мне недолго осталось. И я не хочу уходить, оставляя долги. Слышал, долги здорово отягощают посмертие.

Тварь замерла. Она, будучи частью этого места, сотворенная из заблудших душ и непроизнесенных проклятий, из темной силы и боли, которую приносили сюда дети Плясуны, выполняя свой зарок, любила слушать чужие разговоры.

– Меня давно списали... но когда ты вернулась... сообщение пришло двадцатого...

Как двадцатого? Я вернулась двадцать третьего. И здесь ошибки быть не может, поскольку эту дату не единожды обвели черным цветом мои разлюбленные родственники.

– У твоего дяди были... некоторые подозрения.

Полагаю, речь идет о Фердинанде, ибо Мортимер, появившись у него хоть тень сомнения в моей кончине, собственноручно отпил бы мне голову.

– Он давно сотрудничает с нами, и вот... он, к слову, тоже уверен, что твой отец погиб не случайно.

Уверен. Все тут, оказывается, уверены, но что толку-то... если ничего не нашли тогда... не захотели найти, то почему вдруг теперь? И Диттер молчит. А я вспоминаю. Я не хочу, но все равно... лестница. Перила. Я помню прикосновение к ним. Гладкость дерева, тепло его, нагретого солнцем. Все оттенки янтаря и бабушкин голос:

– На кого вы похожи, юная леди?

Юбка в клеточку... Я тогда еще ходила в школу. И там выдавали эти растреклятые юбки в клеточку, сшитые из тяжелой негнущейся ткани. Шерсть кололась, а еще с трудом разглажи-

валась, но мялась почему-то на раз... был еще жилет такой же и жакет, который надлежало носить, независимо от поры года. Блуза хлопковая. Заколка...

Я только вернулась из школы. Классная дама задержала нас. Фрау Брюннер отличалась редкостным занудством, а еще, помнится, тихо ненавидела учениц и меня особенно. И на сей раз нашла к чему придраться. Почерк у меня отвратительный. И поведение недостойное. А потому я должна двести раз написать фразу... проклятье, фразы не помню, что-то там о поведении и аккуратности. И я писала, с трудом сдерживая желание произнести вслух те слова, которые дедушка говорил, когда у него что-то там не получалось.

Но...

Потом была поездка в новом авто. И Йозеф, дедушкин водитель, позволил мне сесть впереди, хотя все знают, что леди надлежит занять место на заднем сиденье. Спереди было интересней. А еще он привез свежие булочки, которые я грызла всухомятку... Он всегда их привозил. А еще мы ненадолго останавливались у автомата с газированной водой, и я сама опускала монетку в прорезь, а потом маялась, выбирая сироп: клубничный или апельсиновый? Наш маленький секрет.

Этот день не отличался от прочих. Разве что... отец обещал взять меня в ресторан. Впервые... я ведь уже взрослая почти и могу... Только надо переодеться. Для ресторана мы с мамой выбрали одинаковые платья – из темно-зеленого шелка. Узкий лиф. Пышная юбка. Пояс, расшитый бисером... оно где-то пылится в шкафу, так ни разу и не надетое. Не важно, главное, что я спешила к платью. И к чулкам.

Грета, мамина камеристка, обещала мне взрослую прическу, но на нее нужно время. Я почти успевала. А в дверь позвонили. Дин-дон... кто там? С тех пор ненавижу незваных гостей. Званых, впрочем, тоже не слишком-то жалую.

Что было потом? Я не помню... присутствовала ли я при беседе? Нет... а где была? Кто мне сказал, что родителей больше нет? Когда? Будто вырвали кусок из прошлого. Вот я на лестнице стою, а вот уже сижу в дедовом кабинете и щипаю себя за коленку. Чулки складочками. Красный плюш обивки.

– Мне жаль, – Диттер касается руки, разбивая зеркало памяти, а я испытываю огромное желание свернуть ему шею. Какого он полез... с сочувствием своим, с совестью...

Зверь внизу вздохнул. А я провела пальцами по холодным перилам и сказала:

– Ничего страшного. Но разговаривать лучше не здесь.

Бабушка заперла те комнаты уже потом, после того как из них вынесли все, что, по мнению короны, представляло опасность для окружающих и, что куда важнее, для самой короны.

Книги. Дневники. Шкафы, в которых книги и дневники хранились. А заодно и полки со всем содержимым, будь то колба или пара фарфоровых статуэток. Они забрали и ковры, и простыни с родительской кровати, вкупе с балдахинном, покрывалом и бархатными шторами. Кровать тоже демонтировали. Пожалуй, они забрали бы и весь дом, но... не посмели. А комнаты бабушка обставила заново. Только закрыла, а меня забрала из школы. Почему?

Раньше я не задумывалась. Сперва... сперва мне было все равно, потому что бывшие проблемы разом перестали казаться проблемами. После... я привыкла и даже радовалась: учитель бабушка выписала отличных. И не знаю, во что ей это обошлось, но образование я получила хорошее.

Я толкнула дверь, и та отворилась. Пусто. Пыльно... а вопросом прислуги стоит озаботиться. Гюнтер давно жаловался, что дом приходит в запустение. Прав был... Огонек зажегся по хлопку. Да... помню прекрасно, что все было иначе... кресло похоже на то, в котором любил сживать дед, но при этом другое. И шкаф. И... книги на полках его... темные обложки, слипшиеся страницы... некогда белые, и видно, что книги эти ни разу не открывали. Их поставили

сюда в вялой попытке воссоздать место таким, каким оно было. Зачем? Бабушка моя никогда не отличалась излишней сентиментальностью, а тут...

Я присела. Провела по жирному дереву пальцами.

– Устраивайся, – предложила Диттеру.

Огромный стол. Пресс-папье из яшмы. Коробка со стальными перьями. Листы бумаги, сложенные в шкатулку. Белый речной песок... когда-то белый, а теперь окаменел. Впрочем, на этом столе никогда не было порядка.

Мусорная корзина пуста. А ящики стола заперты. В нижнем дед прятал карамельки. Мне их запрещали, уж не помню по какой причине, главное, что я приходила в его кабинет, доставала ключ...

Я присела у книжной полки и вытащила третью справа книгу. Так и есть, «Подробное описание тварей морских и верных способов их изничтожения, сделанное Петерсом Цимесским во славу Единого бога». Страница двести пятьдесят третья. История о гидре многоголовой, которая в далекие времена Петерса представляла собой немалую проблему... Я помню эту книгу. И гидру с оскаленной пастью. Серое унылое чудовище, которое вовсе не выглядело страшным. И ключ, спрятавшийся между страниц. Здесь он тоже был.

Не в сентиментальности дело, что бы ни думали другие... и если дед занимался запрещенной магией, если... Бабушка бы знала. А дед не такой дурак, чтобы хранить опасные вещи в доме. И потому, что бы ни искали после его смерти, оно находилось не здесь.

Тогда почему бабушка промолчала? Уже потом, когда стало понятно, что срок ее подходит к концу? Она ведь угасала медленно, окруженная целителями и моей неловкой заботой. Она до последнего ворчала, повторяя, что я без присмотра всенепременно пропаду и что не стоит верить тетушкам, как и дядюшкам... Она заставила поклясться, что я не выйду замуж, пока мне не исполнится двадцать три года... и да, эта клятва меня спасла в свое время, но...

Про ключ. И кабинет. И то время... ни слова, ни намек. Хотя... быть может, я как и сейчас, найду в ящике стола лишь пару лакричных карамелек, которые честно делила с дедом? А если и нет, то... стоит ли тревожить прошлое? Похороненное и забытое. Ключ лежал на ладони. А Диттер молчал. Если бы он попросил... или потребовал... именем инквизиции, верного стража интересов короны... если бы... а он стоял, скрестив руки на груди, и молчал. Я вздохнула. И вставила ключ в замок. Повернулся он с немалым трудом, все же времени прошло прилично, а даже хорошие замки нуждаются в смазке. Ящик же выдвинулся легко. Карамельки. Две.

Глава 11

И слезы подступили к горлу. Почему теперь?

– Леди не плачут прилюдно, дорогая, – голос бабушки шелестит ветром. – Даже если очень хочется... особенно, если очень хочется. Запомни, слишком много вокруг тех, кому твои слезы будут в радость.

Я дышала. Снова. И не сразу заметила слегка запыхавшийся конверт. Конвертов я не помню.

– Вы прочтете или мне стоит? – На сей раз выдержка подвела моего дознавателя. Правда, рук к чужому имуществу он тянуть не стал, что было весьма благоразумно с его стороны.

Стоило прикоснуться к конверту, как на его поверхности пошла мелкая рябь. Запахло полынью и базиликом... значит, проклятье, скорее всего настроенное на ауру... и отнюдь не безобидное.

Я понюхала пальцы. Еще и мертвоегодник? А остаточная аура, стремительно тающая, к слову, и вовсе указывала на то, что проклятье было смертельным. Прелесть какая...

– Сама.

Я отвернулась. И развернула лист.

Здравствуй, дорогая...

Здравствуй, бабушка...

...не скажу, что меня радует необходимость оставить тебе это послание, но иного выхода я не вижу. Ты еще слишком юна и горяча, а я не протяну и года. Мне безумно страшно оставлять тебя, и в глубине души я продолжаю надеяться, что это письмо не попадет в твои руки. Однако здравый смысл и интуиция подсказывают, что время нашей крови истекло.

Наш род всегда умел обзаводиться врагами, но худшими из всех были мы сами.

Сейчас, оглядываясь назад, перебирая события всей своей жизни, я вижу совершенные ошибки, но не могу ничего исправить, как и найти ответа на вопрос, кто виноват.

Мой супруг?

Я знала его заботливым и любящим мужчиной, но мой дед был эгоцентричен, резок и нетерпим к чужим слабостям...

Понимаю. Темная сила. Темная кровь. Темная душа. Подобные нам априори эгоцентричны и нетерпимы, а еще язвительны, злопамятны и изобретательны. Я ничем не лучше деда, разве что возможностей имею немного меньше. Или, правильнее будет сказать, лежат они в несколько иной плоскости.

Пожалуй, если разобраться, то недоброжелателей и у меня отыщется изрядно. Взять хотя бы того аристократишку, который затеял компанию, но не справился. Любит ли он меня за то, что прибрала к рукам и дело его, и семейное имущество? Хотя нет, семейное имущество мне без надобности, с молотка ушло с именем вкупе. Но не умеешь дела вести, не лезь... или вот рабочие с Первой спичечной, куда я закупила новые машины. Нет, машины – это хорошо и выгодно, а сокращение штата на треть – естественный ход, позволяющий быстро окупить затраты, однако...

И еще доходный дом, прикупленный по случаю. Его я снесла, а жильцы... о них не думала. Да и теперь думаю без особого сожаления, скорее подбирая факты в копилку бабушкиного предположения. Что-то я поторопилась, говоря, будто лишь у моих дорогих родственников есть причины желать мне смерти.

Твой отец совершил не меньше ошибок. Да и были ли они ошибками? Не мне судить. Я и сама, признаюсь, не без греха. Однако речь пойдет ныне о деяниях, которые так или иначе, но изменили жизни иных членов нашей семьи.

Диттер, которому я протянула лист, читал молча.

Нос хмурил, потирал. А надо сказать, что в старом кресле, позолота с которого слегка облупилась, смотрелся он вполне гармонично. Отец любил здесь сживать, устраиваясь у окна и используя подоконник в качестве письменного стола. Он сдвигал шторы, придавливая их массивной статуэткой из бронзы, бросал отрез кожи, а поверх него – стопку листов. Рядом частенько ставил высокую кружку, в которую подливал из заговоренной фляги чай...

И мне плевать, кому он там жизнь поломал. Он мой отец. И я его любила, как и мамушку...

...стоит начать с моего супруга.

Было время, когда он вел весьма свободный образ жизни, чего, впрочем, никогда не скрывал. И долгое время меня это смущало, не позволяло принять сделанное им предложение...

Дед со смехом рассказывал, как взбирался по плющу на третий этаж бабкиного особняка, а после мерз на балконе, не смея согреться магией, ибо охрана дома была уж очень изощренной. И однажды едва не замерз, но...

Время показало, что некоторые мои опасения были небезосновательны. Из троих его сыновей лишь твой отец является мне родным по крови и, что куда важнее, по духу. Мортимер появился на свет после непродолжительного курортного романа. Матушка его – провинциальная актриска, полагавшая, будто заявления о беременности будет достаточно, чтобы получить мужа. И когда надеждам ее не суждено было сбыться, она пригрозила пойти к газетчикам. Не то чтобы моего дорогого мужа беспокоила репутация – у нашего рода она такова, что ее не слишком испортит и десяток брошенных младенцев, но все же по ряду причин, первой из которых была ответственность перед родом, он предпочел заключить договор.

Она получила полное содержание и медицинское обслуживание, а после родов – определенную сумму денег, весьма, полагаю, приличную, если ее хватило, чтобы та женщина подписала отказ от ребенка. Ты знаешь, дети в нашем роду появляются крайне редко, а твой дед вошел в возраст полной силы, что еще больше усугубило проблему.

Мортимер рос, окруженный няньками и гувернантками, не испытывая недостатка ни в чем. В нем, на радость моему супругу, рано проснулся дар, что обещало немалую силу.

Этот лист я попридержала.

Да уж, на нашем семейном погосте, оказывается, изрядно скелетов зарыто. Почему бабуля помалкивала? Неужели и вправду опасалась, что я побегу к дядюшке, обвиняя его... в чем, собственно говоря, его можно было обвинить?

На момент нашей с Грегором свадьбы Мортимеру исполнилось полгода. Твой дед никогда и ни о чем не просил меня, а потому решение назвать Морти сыном я приняла единолично.

Благородство, не свойственное темным. Как-то вот... не знаю. Любовь? Или помутнение разума, ибо официальное признание чужого отпрыска родным ставит его в один ряд с наследниками, рожденными в законном браке. И получается, у дядюшки моего есть все законные основания требовать титул. Точнее были бы, обладай он силой.

Твой отец появился позже. К сожалению, беременность моя протекала тяжело, а роды и вовсе поставили под угрозу и мою жизнь, и жизнь твоего отца. Грегору пришлось прибегнуть к семейной силе, чтобы не позволить его душе перешагнуть тот рубеж, который отделяет мир живых от мира мертвых. Однако почти год мы не были уверены, что наш сын выживет.

По словам целителей, вероятность того, что я вновь понесу, была мизерна, да и если бы случилась беременность, то вряд ли бы я сумела разродиться. В тот же год – был он крайне тяжелым для нашего семейства и, полагаю, именно тогда мы задумались, что будет, если нить нашего рода оборвется – заболел Мортимер. Как нам сказали, его мать, вероятно, желая во что бы то ни стало забеременеть, принимала некоторые зелья. Сами по себе они относительно безвредны, но не в тех количествах, которые, видимо, были выпиты, и не в сочетании с темной силой. Увы, тот дар, на который мы надеялись, обратился против Мортимера, разрушая его разум и тело.

Все равно не жаль дядюшку.

Впрочем, я жалеть не умею. Я просто пытаюсь представить, каково это... род оборвется на мне? Пожалуй, что так... не сегодня и не завтра, а через сотню лет или, быть может, две сотни, но ничто не вечно. И почему эта мысль вызывает лишь некоторое сожаление?

Именно тогда Грегор и создал амулет, позволяющий замедлить, а после и вовсе прекратить распад. К сожалению, подпитывать его приходилось регулярно и, если поначалу Мортимеру требовалось малость, то постепенно он и его дар окончательно оформились, изменились, превратив его в существо, лишь условно относящееся к роду человеческому.

Ты, полагаю, теперь думаешь о его супругах.

Однако не спеши судить. Они знали, на что шли. Несколько лет в браке против изрядной суммы, оговоренной в контракте, которой хватило бы на дальнейшую безбедную жизнь. Во всяком случае я настаивала, чтобы все было оформлено надлежащим образом, чтобы избежать проблем с инквизицией...

Инквизиция молча почесала переносицу.

Вообще это законно? В смысле, не нос чесать, а подписывать договор на передачу жизненной силы. И... тогда понятно, куда уходят немалые дядюшкины капиталы.

Если уходят.

Бабуля-то, знавшая его маленькую тайну, отошла в мир иной, а я... я до недавнего времени делами родственников интересовалось мало.

Однако возвращаясь в тот неудачный год. Наш сын находится на грани, иных детей у меня нет и быть не может, Мортимера сжирает его собственная сила... ты должна понять, чего стоило нам то решение, но оно было принято.

Мы нашли подходящую женщину, которая согласилась родить нам ребенка.

Затейники. И... вновь не понимаю. Должна, как бабушка пишет, а не понимаю. Отдать того, кого любишь, полагаешь своим ради какой-то мифической выгоды? Нет, если бы ради реальной, а ребенок...

Это была молоденькая ведьмочка из некогда славного, но ныне обедневшего рода. Юная, обладающая отменным здоровьем и, главное, той тональностью силы, которая не должна была вступить в конфликт с силой Грегора.

Она согласилась на сделку, получив взамен неплохие отступные и протекцию Грегора. И сколь знаю, ныне достигла немалого положения. К чести ее, она, произнеся однажды слова клятвы, не отступила от них. И после рождения сына передала его мне, чтобы навсегда исчезнуть из нашей жизни. Нам случилось встретиться после. И теперь я не могу отделаться от мысли, была ли она счастлива?

Мальчик родился здоровый и отмеченный даром.

Вот так сюрприз. А мне казалось, что дядюшка мой обыкновенный человек.

Диттер складывал листы, прижимая их ониксовым шаром. Так и дед делал, утверждая, что на большее этот булыжник, подаренный ему градоправителем, не годен.

Я не буду лгать, что появление третьего ребенка сделало меня счастливой. Я все-таки ведьма из темных, а потому время от времени испытывала преогромное желание взять подушку и придавить чужого младенца.

Я икнула. Откровенно... и она ведь все-таки не придушила.

Поэтому я передала Фердинанда нянькам и, признаюсь, не слишком интересовалась им. У меня имелось свое дитя, родное по крови и требовавшее немалых забот. Твой отец все же пошел на поправку, но, к сожалению, выздоравливал крайне медленно. Он плохо ел, был нервозен, часто и подолгу болел, и даже няньки его были уверены, что рано или поздно он умрет.

В то же время Мортимер сделался раздражителен и гневлив без меры. С ним тяжело было справляться и гувернеру, которого нанял Грегор. После гувернеров стало два. А позже к ним добавились и учителя. Надо сказать, мы подумывали отправить Мортимера в какое-нибудь закрытое заведение из приличных, но после отказались: все же болезнь его была такого свойства, что нуждалась в постоянном присмотре.

В то же время Фердинанд рос на редкость спокойным и здоровым ребенком. Вскоре он в росте и весе обогнал твоего отца. И дар его развивался весьма гармонично, что, как ты понимаешь, искупало само его существование, но не слишком меня радовало. Мне была неприятна мысль, что наследником рода станет чужак. Да, твоего отца никто не обидел бы, однако...

Диттер постучал пальцем по бумагам и заметил:

– А меня просто подкинули... говорят, мне было полгода уже. Наверное, стало нечем кормить.

– Бывает, – я провела пальцем по оставшейся стопке. Интересно, а дядюшка знает, или... дочитать и узнаю.

– Повезло, что подкинули, – он запрокинул голову и закрыл глаза, – в храм... Наверное, она хотела, чтобы у меня была неплохая жизнь.

Я понятия не имела, что принято говорить в подобных случаях. В моем кругу детей не подкидывали, и даже Лилиан, которой не повезло забеременеть, просто отправилась в заграничный вояж. Солнечная Испания или тихая горная Беллье, где расположены лучшие заведения для людей, которые хотят поправить здоровье или решить деликатную проблему с передачей младенчика в надежные руки приличной приемной семьи.

Стоит это немало, но...

Фердинанду исполнилось девять, твой отец был годом старше, но, право слово, он выглядел младшим и не совсем здоровым ребенком. Однако, если бы не угроза жизни, я бы не решилась обратиться к Ней. Он вновь заболел. Обыкновенная простуда, которая у других детей порой проходит сама, у моего сына обернулась пневмонией, а та полностью обессилила его.

Он устал бороться, мой мальчик. А чужой был возмутительно здоров. Умен. Признаюсь, ревность, обида и страх, смешавшись воедино, привели меня в храм. Я говорила с ней. И она ответила мне. Женщинам она отвечает куда чаще.

Я помню кровь, пролившуюся на алтарь. Я помню, как уходила из меня жизнь, и ощущение счастья, ведь мой сын будет жить. Почему она отступила? Не знаю. Знаю, что меня нашли там живой, хотя и обессиленной. А на следующий день Фердинанд заболел. Его сила, почти раскрывшаяся, ставшая уже привычной, покидала его, перебираясь в тело моего сына. Было ли ему больно? Да. И страшно. И муж мой впервые ушел из дома и не возвращался неделю, а после возвращения мы имели тяжелый разговор. Он был нужен нам обоим, ибо слишком много накопилось всего, способного изуродовать и без того уродливую нашу семейную жизнь.

Он нанял лучших целителей, и Фердинанд выжил, однако перестал быть магом. Твой же отец поправился, и, более того, его дар, прежде подобный слабой искре, раскрылся. Он стал ярче и сильнее того, который был у Фердинанда, и не знаю, была ли в том воля Ее, но я радовалась.

Пусть кто-то иной говорит о совести и чести, но я радовалась. Мой ребенок выживет. И получит то, что по праву должно было принадлежать ему.

И это тоже было вполне объяснимо. Свое мы отдавать не любили, а уж добровольно уступить кому-то... Интересно, не по этой ли причине дядюшка покинул родительский дом, едва ему исполнилось шестнадцать лет? Удерживать его не стали. Искать тоже. И теперь я, пожалуй, знаю почему.

А знает ли он? Я плохо разбираюсь в детях, однако почему-то мне кажется, что девять лет – уже тот возраст, когда происходящее вокруг худо-бедно воспринимается вполне адекватно. Вряд ли дядюшка сумел бы сделать глобальные выводы, но...

Утрата дара. Такое сложно пропустить или забыть. Дар – это... это нечто всеобъемлющее, ставшее твоей частью. И свой собственный, нестабильный, я ощущала ясно даже в те периоды, когда он внешне никак не проявлялся.

Забрать дар... Его блокируют преступникам, насколько я слышала. И слухи об этой процедуре ходят самые разнообразные, однако одинаково отвратительного толка. Главное, что все сходится на одном: искусственное ограничение дара приводит к скорой смерти его носителя.

Дядюшка был жив. Относительно здоров, во всяком случае с виду. Дело в божественном вмешательстве? Или в юном возрасте, дети, сколь слышала, легче приспосабливаются к разного рода обстоятельствам... но забывают ли? И могло ли статься, что дядюшка, узнав о произошедшем, решил мстить...

Глава 12

Сейчас, дорогая, тебя мучит вопрос, знал ли Фердинанд о том, что случилось, и о моей роли в произошедшем? Я не могу ответить на сей вопрос однозначно, однако имею подозрения, что ему стало известно многое.

Я рассчитала слуг, которые были при доме в то время, исключая лишь тех, в чьей преданности я была всецело уверена, однако от прошлого не так легко избавиться. Слухи, сплетни и люди, которые порой видят то, что их совершенно не касается.

Иные обстоятельства и вовсе оказалось невозможно предугадать.

Незадолго до несчастья, которое разрушило нашу с тобой жизнь, в доме появилась девица весьма сомнительного вида. Некая Аннабель Искеро утверждала, что является родной сестрой нашего Мортимера. Его матушка, не удовлетворившись полученным состоянием, продолжила поиски мужа, которые, как ни странно, увенчались успехом. Ее избранник искал, правда, не любви, а возможности остаться в Империи и нравом обладал весьма тяжелым, как и представлениями о том, какой должна быть женщина. Не сказать, чтобы я вникала в перипетии чужой жизни, но она громко плакала и умоляла не возвращать ее к отцу.

Увы, перед смертью, которая, к моему великому сожалению, произошла не в одночасье, с души спадают оковы клятв. Именно тогда та невозможная женщина и рассказала дочери о сделке. Аннабель же не нашла ничего лучше, нежели явиться в наш дом.

Не помню. Я морщу лоб, тру переносицу, но... не помню. Я ведь уже была? Была. И случись скандал, запомнила бы, но... скандала не случилось, а что бы ни происходило... далеко не на все события я в силу возраста и интересов обращала внимание.

Естественно, ее претензии и требования были смехотворны. Даже, связанная с Мортимером узами крови, она не имела прав на его состояние. Я так ей и ответила.

Она же умоляла спрятать ее. И признаюсь, я задумывалась, стоит ли вмешиваться в естественный ход вещей. Однако, подумав, я признала, что, если одна девица не сделает беды, то ее отец, фигура весьма одиозная, мог доставить множество не самых приятных моментов. Мы дали ей денег.

Да уж, единственное, в чем мой род никогда не испытывал недостатка, это деньги. И как выяснилось, они представляли собой неплохой способ решения проблем.

Как выяснилось, я была права. Ее отец, человек дурного нрава...

Если уж ведьма пеняет кому-то на дурной характер, стоит хорошенько подумать, нет ли возможности вовсе не общаться с этим человеком.

Он посмел обвинить нас в похищении дочери, а ко всему потребовал компенсацию за ее исчезновение. И аппетиты его были таковы, что мы не сочли возможным их удовлетворить.

Он угрожал нам сперва расследованием. А когда мы указали, что по законам Империи дочь его вполне свободна и самостоятельна, мы же имеем свидетелей, готовых присягнуть, что пришла она к нам в поисках защиты, впал в ярость. Он грозил нам всеми возможными карами, при этом не переставая требовать денег.

И вновь не помню. Почему? Не потому ли, что события эти происходили летом, когда я вместе с матушкой переселялась на побережье, где проводила несколько чудесных месяцев?

И тем самым последним летом мы тоже собирались. Мы с матушкой выбрали новые чемоданы, из гладкой кожи. Помню, что уголки их были защищены медными заклепками, а на крышках золотом выдавлены монограммы.

Ах, эти чудесные сборы. Магазины и магазинчики. Шляпный салон, где мне позволяли примерять взрослые шляпки, а еще лавка, где старый мастер шил перчатки. Лавка была маленькой и невзрачной, но мастер – лучшим в городе. Он преставился пять лет тому, передав дело сыну. Я заказываю перчатки только там.

Я знаю, впрочем, что этот мужчина имел беседу с Мортимером, полагаю, представив всю историю в не самом лучшем свете. Во всяком случае, с того самого дня и слабая связь, удерживавшая Морти в лоне семьи, разорвалась.

Он явился нетрезв и разгневан. Он с порога выплюнул мне в лицо, что всегда чувствовал, что не является мне родным. Обвинил меня в холодности и равнодушии, пренебрежении его интересами, а после и вовсе в том, что дар его столь уродлив.

Да, и я, и Грегор пытались достучаться до разума. Однако к тому времени Морти, изрядно испорченный и своим разрушительным даром, и нашим попустительством – каюсь, многие его поступки мы скрывали, откупаясь от людей пострадавших – окончательно убедил себя, что лишь ему известна истина.

Он потребовал признать его наследником. А когда Грегор отказался, стал проклинать нас. Заявил, что именно я виновата в его несчастьях, что я лишила дара всех, расчищая путь собственному сыну, и просто так он это не оставит.

Именно тогда Грегор, разгневавшись, заявил, что если Мортимер отрекается от семьи, то и семья не желает иметь с ним ничего общего. Увы, та безобразная ссора привела к тому, что Мортимер покинул наш дом. Уверена, что он нашел способ сообщить свои подозрения Фердинанду, но, подозреваю, поддержки не нашел. Наш младший сын всегда отличался паразитическим благоразумием. И мне искренне жаль, что я вынуждена была поступить с ним несколько несправедливо.

Несколько... С другой стороны, бабушка, как ни крути, была ведьмой и не из последних. А это накладывает определенный отпечаток на личность.

Знаю еще, что Мортимер продолжил тесно общаться с тем отвратительным человеком, который изволил называть себя последователем истинной тьмы. Я не уверена, что дела их касались лишь веры, однако, посоветовавшись с мужем, решила не вмешиваться. Каждый имеет право совершать свои ошибки.

Да уж, великодушно. Я покосилась на Диттера, который поглаживал край пыльного листа. Вид у него был задумчивый. Подсчитывал количество пунктов Договора, нарушенных бабулей? Или раздумывал, можно ли божественную волю считать смягчающим обстоятельством?

Мы получали письма от Фердинанда, однако на похороны он не считал нужным явиться, хотя, как выяснилось позже, находился в Империи.

Зато в день после похорон в наш дом заявился ужасный человек, который заявил, что нас постигла заслуженная кара. И если мы по глупости и неведению своему лишили тьму законной жертвы, она взяла ту, которую посчитала достойной заменой. И нам следует лишь молиться и надеяться, что трех жизней будет достаточно, чтобы заменить одну.

И не скажу, чтобы его слова вовсе не тронули меня.

И да, я попыталась отыскать Анабель, однако девица словно сквозь землю провалилась. Признаюсь, я даже обратилась к специалистам, но и они оказались бессильны.

И зачем?

Что-то я мало понимаю, а вот Дитгер, судя по мрачному выражению лица, знает куда больше моего. И если он надеется отмолчаться, то зря...

Позже и он сам исчез, оставив меня без ответов. Что же касается Мортимера, то, когда я явилась к нему, желая примирения, он рассмеялся и сказал, что все идет, как должно, и это лишь начало. Что он получит принадлежащее ему по праву, и единственный способ изменить судьбу – это немедленно передать ему права на титул и семейное состояние.

К тому времени, сколь мне известно, собственные его дела, пошатнувшиеся было после ухода из дому, наладились. И подозреваю, во многом благодаря его новым друзьям.

Естественно, я отказалась выполнять безумные эти требования. У меня имелась ты и в то время я испытывала как страх, так и надежду, что именно ты поспособствуешь возрождению рода, а потому я не желала оставлять тебя во власти моего несчастного сына.

И за это я была бабуле благодарна. Что бы ни испытывал ко мне дядюшка Мортимер, сомневаюсь, что это было любовью.

Я сделала все, чтобы воспитать тебя достойным образом. Увы, время мое уходит, а сделано еще слишком мало. И надеюсь лишь, что письмо, полученное накануне, лишь чья-то дурная шутка. А если нет... я спускалась в храм. Я говорила с Нею. Я напомнила о договоре и крови. А потому... я оставляю распоряжения о своей смерти, а ты, дорогая, надеюсь, не додумаешься повторить их. Впрочем, зная тебя, я верю, что ты вовсе не будешь думать о смерти, а потому все ритуалы будут исполнены надлежащим образом. Если мои предположения верны и ты, оставив этот мир, вернешься, значит, древний Договор еще сохранил свою силу, как и проклятый дар твоего рода.

С тем завершаю это послание. И надеюсь лишь, что приближение смерти позволит мне отрешиться и от иных клятв. Как-то слишком уж много собралось их на моей душе. И до чего же они тяжелы. Если бы знала ты, сколь давит вынужденное молчание.

В моем прошлом, да и не только в моем, есть страницы, которые заставляют настоящего бояться будущего, ибо душа моя отнюдь не так чиста, а Ее суд не приемлет допущений. И оглядываясь, я понимаю, что наша семья причинила немало зла. Честолюбие моего дорогого супруга, заразившее и нашего сына, его мечты, его надежды, обернувшиеся пролитой кровью. Их упрямство, неспособность отступить, когда даже Она в своем терпении велела остановиться. Их вера и моя собственная слабость, неумение отказать мужу. Я любила своего Грегора. Я продолжаю его любить и сейчас, пожалуй, лучше чем когда бы то ни было, осознаю, что, повторись история вновь, я бы поступила точно так же, как и тогда.

Запомни, деточка, любовь меняет нас.

Твоей матери любовь придала сил. И лишь Она знает, чем закончилась бы их с отцом история, не случись того взрыва. Меня же любовь сделала слабой, зависимой от Грегора, но вместе с тем счастливой. И я хотела бы сказать, что не жалею ни о чем. Но это неправда.

Клятва еще держит. Та самая, последняя, и это к лучшему. Все же хотелось бы оставить в памяти твоей светлый образ семьи. И я уповаю, что ты никогда не найдешь это письмо.

Я так надеюсь ошибиться, моя дорогая. Я так боюсь оказаться права.

И ни слова о любви.

Впрочем, ведьма, что с нее взять... Могла бы предупредить, мол, дорогая, ты, вполне вероятно, имеешь все шансы отправиться следом за родителями, но мне известна некая тайна, которая позволит совершиться чуду... и так далее. Нет же, развели секретов.

Я перевернула последний лист и осмотрелась. Письмо... письмо, это, конечно, хорошо. Куда лучше с ним, чем без него, во всяком случае, я теперь знаю, что оба моих дядюшки, теоретически, с преогромным удовольствием поучаствовали бы в диверсии... но мало. Как же мало.

О тетках она ни слова не написала. И этот намек на иные клятвы... ненавижу намеки, как и игру в прятки, причем с самого детства. А здесь со мной явно играют. Ради одного-единственного письма всю комнату переделывать? Уж проще в сентиментальный порыв поверить.

Нет. Я приду сюда позже. Одна. И по взгляду Диттера, который задержался на столе, я поняла, что приду не только я. Пускай.

Глава 13

Старуха Биттершнильц обитала на краю города, в прекрасном особняке, построенном не так давно, чтобы он успел обзавестись дурной репутацией. А в нашем городке это само по себе достопримечательность.

Была вдова, пережившая, поговаривают, троих мужей, просто неприлично богата и разумно прижимиста, что наполняло сердца дальних родственников – собственных детей у Биттершнильц не было – печалью и надеждой. Впрочем, поговаривали, что здоровьем она отличалась отменнейшим, а потому всем родственникам следовало запастись терпением.

Что добавить?

Дурной норов? Восхитительную злопамятность и ясный ум, вкупе с немалой изобретательностью? Друзей у старухи не было. С редкими приятельницами, дамами своего круга и состояния – а в нашем городке подобных было, к удивлению, немало – она встречалась на еженедельных заседаниях Книжного клуба и еще, пожалуй, в Благотворительном комитете, где числилась председателем.

Бабушкино место. И бабушкины розы. Я и сейчас узнаю этот сорт с темно-багряными, в черноту, лепестками. Летом здесь, должно быть, красиво. А сейчас... от роз остались колючие стебли, лысые деревья стояли, растопырив ветви. Небо было сизым, грязным, а лужайка медленно превращалась в болото, где то тут, то там проглядывали островки зелени, столь неестественно яркой в сумрачный этот период, что одно это казалось противоестественным.

Журчал фонтан, нагоняя тоску. Сияли белизной мраморные статуи. Стены, слегка прихваченные плещом, были ровны, высоки и надежны с виду... сплошная благодать, плюнуть некуда.

Я остановила экипаж у парадного входа и поморщилась. Все же сегодняшнее солнце было слишком уж ярким... почти невыносимо. Диттер, выбравшись из экипажа – дверцу открывать не стал, позер этакий, – подал мне руку.

Рядом, словно из-под земли, возник лакей самого благообразного вида... но ключи я ему не отдала. Нет, прислуга – это хорошо, но машину я за месяц до смерти выписала, и не хотелось бы, чтобы ее ненароком поцарапали. Да и вообще не люблю чужих рук, которые тянутся к моей собственности, пусть и с благими намерениями.

Тяжелое наследие предков, не иначе.

В общем, оглядевшись, я решила, что места здесь хватает, а гости к старухе навевываются не так, чтобы часто, поэтому...

Пусть себе стоит.

Нас встречал давешний унылый блондин, ныне облачившийся в полосатую визитку вполне приличного кроя. Окинув нас насмешливым взглядом, он произнес:

– Бабушка изволит отдыхать...

– Мы подождем.

Блондинчик сделал попытку заступить мне дорогу, но я, к счастью, не настолько хорошо воспитана, чтобы это подействовало. Легкий тычок зонтом в ребра, и он отступает...

А перед бледным носом появляется серебряная бляха.

– Инквизиция, – Диттер потеснил меня. – Значит, ваша бабушка плохо себя чувствует?

– Она... – Блондинчик слегка побледнел, а на щеках проступили бледные пятна. – Понимаете, все-таки возраст... в последнее время она стала странно себя вести... и мы опасаемся, что...

– С кем ты там говоришь, болван? – резкий голос вдовы донесся из приоткрытого окна. – Они все-таки приехали? Отлично... вели подавать чай. И коньяк пусть принесут... и не надо мне говорить о моем здоровье. Я еще всех вас переживу.

От такой перспективы, как по мне вполне реальной, блондинчик побледнел еще сильнее.
– Понимаете, – он посторонился и даже любезно предложил мне руку, а я воспользовалась.

Надо же, как сердечко стучит.

Ах, как мы волнуемся... прелесть до чего волнуемся... и чем это беспокойство вызвано? Печальной перспективой провести десяток-другой лет, угождая склочной старухе? Или чем-то иным?

– Я не знаю, что она вам наговорила, но... поймите, я не желаю ей зла. Я просто беспокоюсь. Возможно, нам стоит обратиться к целителям, но бабушка на дух их не переносит.

Диттер, наплевав на правила, шагал слева, и меня подмывало взять под руку и его...

Сердечко моего провожатого дернулось. А сквозь резковатую вонь одеколона пробился запах пота.

– Она начала путать вещи... утверждать, будто кто-то меняет ее обувь... у моей бабушки две комнаты забиты обувью. Камеристка дважды проводила перепись. Все на месте, даже бальные туфельки, которые ей шили на первый выход...

В холле царила удивительная прохлада.

А в остальном... светло и свободно. Обыкновенно. Ковры. Картины. Тоска смертная... и старухина компаньонка, смиренно ждущая у подножия лестницы.

Серое платье, длиной до середины голени. Серые чулки крупной вязки. Воротничок белый, кружевной и на вид колючий до невозможности. Два ряда мелких пуговиц на лифе такой границей добродетели. И единственным украшением – брошь-камень под горлом.

– Как она? – шепотом поинтересовался блондинчик.

– Плохо, – вздохнула девица и представилась: – Мари. Я при фрау Биттершнильц уже семь лет... она взяла меня из приюта.

Благотельница. И главное, восторг в глазах у Мари почти искренний. Врать у женщин получается намного лучше.

– И мне жаль осознавать, что... – вздох и бледные ручки, прижатые к подбородку. А на левой-то свежий красный рубец... интересно, откуда? – Она стала путать время... и дни... а еще эта странная убежденность, что кому-то нужны ее вещи...

Мари покачала головой:

– Умоляю, не тревожьте ее покой...

Ага, который, полагаю, в скором времени станет вечным. Вот не нравится мне такая забота. Фальшивая она какая-то...

Мари дернула рукавом, будто пытаясь прикрыть шрам, но сделала это как-то неловко, отчего рукав задрался еще больше.

– Простите, – она потупилась.

– Откуда?

Диттер выглядел мрачнее обычного. Надо же, до чего мне дознаватель чувствительный попался. А где профессиональная выдержка? Стальное сердце и холодный разум?

– Она... иногда случаются вспышки гнева, – вздохнула Мари. – Я делала завивку, и ей показалось, что я хочу сжечь ей волосы и... я понимаю, что это не она, а болезнь... на самом деле она – добрейшей души человек...

И вот тут я окончательно поняла, что меня дурят. Старуху можно было назвать кем угодно, но вот доброй... да она первая восприняла бы подобную характеристику за оскорбление. И была бы права. Добрая ведьма. Смех.

Старуха устроилась в низком разлапистом кресле, которое поставили у окна. Ветер трепал гардины из легчайшей ткани. С гардений, собранных в высокую вазу, облетали лепестки. Некоторые падали в чай.

Старуха дремала.

Правда, стоило нам войти, она очнулась, встрепенулась, подалась вперед, почти упала на столик. И зазвенели чашки, опрокинулся молочник, выплеснув на скатерть желтоватое озерцо сливок.

– Проклятье! – старуха взмахнула рукой, и на пол полетела вазочка со сладостями. – Что происходит, кто поставил сюда этот столик? Подсунули...

– Видите? – скорбно поинтересовалась Мари. Шепотом.

Но была услышана.

– Что ты там бормочешь, оглоедка? Сплетни распускаешь... – фрау Биттершнильц оперлась рукой на столик, который жалобно заскрипел, но выдержал немалый вес старухи. – Ты это придумала, дрянная девчонка? Ты... кто ж еще... он-то вовсе той головой, которая на плечах, думать не приучен... а ты, деточка, молодец, что пришла. Что стоишь. – Старуха пнула вазочку и наступила на белесую зефирину. – Убирайся, раз натворила... и вели, пусть подадут чай в охотничий кабинет.

Она вцепилась в руку Диттера и произнесла:

– А от тебя смертельным проклятьем несет... хорошая работа... крепкая... но поможешь мне, я помогу тебе...

– Боюсь, это неизлечимо, – Диттер поморщился.

Весу в старухе было изрядно. Облаченная в темно-лиловое платье, она казалась этакой шелковой горой, на которой то там, то тут поблескивали драгоценные жилы камней.

Аметисты. И алмазы. И отнюдь не только прозрачные... Желтые хороши, крупные, идеально ровного цвета и огранки.

– Нравятся? – старуха подняла руку, позволяя мне разглядеть браслет с подвесками. – Второй мой муженек пожаловал... редкостный скупердый был, но после того, как я его с одной актрисулькой застала, переменялся, да... а ты не стой столпом. Даровали же боги родственничков...

В лиловой гостиной лиловыми были шторы. И ковер. И стены. И обивка мебели, правда, здесь темно-лиловый разбавлялся бледно-сиреневой полоской. Свисала люстра с пыльным абажуром цвета фуксии. На диванчиках выстроились подушки всех оттенков фиолетового. И лишь ковер на полу резал глаз своей вызывающей белизной.

– Садись... ишь, кривисься... а мне оно нравится, – с вызовом произнесла вдова, плюхаясь в креслице. – Ах, погода меняется, кости болят... тебе-то хорошо, ничего уже болеть не будет.

Сомнительное преимущество. Хотя...

Нельзя сказать, что моя нынешняя жизнь много хуже предыдущей. Да и долголетие... и вообще... убивать мне не хочется, жажды крови я не ощущаю, а в остальном. Цвет лица вот выровнялся. В прежние годы мне подобной белизны добиться не удавалось, несмотря на все ухищрения.

– Меня не слушают... целитель наш, штопор ему в задницу... что? Первый мой муженек капитаном был, честным, от низов поднялся... свой корабль зубами у судьбы выгрыз. Ох и любила ж я его, хоть редкостным скотом был... да... но не о том... наплели нашему разлюбозному, будто я уже слабоумная, а он и рад поверить... я ему об одном, а он мне настоечку для успокоения нервов. И морфий. Мол, спать буду лучше. Я ж ему не на сон жаловалась, со сном у меня аккурат все хорошо. Небось, эта потаскушка подливает чего... и Мими мою отравила.

Со скрипом приоткрылась дверь, и в гостиную вошла махонькая облезлая собачонка на тонких ножках. Облаченная в попонку с аметистами, она казалась одновременно нелепой и жалкой. Круглая головенка на тонкой шее. Несоразмерно огромные уши, из которых торчали пучки шерсти. Хвост-нитка с пушистым облачком на конце...

– Привезли мне... – старуха стукнула клюкой по стулу. – Уродца... и говорят, что это Мими... будто я свою собаку не знаю!

Существо проковыляло ко мне и, обнюхав ноги, вяло рыкнуло.

– Я тебе, – я погрозила собачонке пальцем.

– Мими тебе его бы отхватила, а это... тьфу, пакость, а не собака... пшла отсюда...

Собака широко зевнула и плюхнулась на ковер. Она свернулась клубочком, из которого торчали лишь уши... нет, определенно, не понимаю, какой в ней смысл.

– Началось все с полгода тому назад... Мари ты видела. Тихой девкой была, спокойной... исполнительной. Я ее в приюте подобрала. У меня-то компаньонки наемные долго не выдерживали. Не везло...

Если кому и не везло, то, как по мне, именно компаньонкам. Вот и сбегали. А сироте деваться некуда. Да и платить не надо. Сплошная экономия.

– Конечно, сперва она мне показалась слегка туповатой... ничего не знает, ничего не умеет... взялась платяг чистить, так испортила... но я ее учила. Я была терпелива...

Для ведьмы.

– И вроде выучила... – старуха махнула рукой на дверь. – Ишь, стоит... заходи уже, я тебя слышу...

Мари вошла. В руках ее был поднос с кружками, высоким кофейником, молочником и полудужиной серебряных вазочек...

– Долго возишься, – почтенная вдова переложила клюку по другую сторону кресла. – Опять подслушивала...

Мари вздрогнула. И полетела на пол. Неловко кувыркнулся поднос. Разлетелись кружки, зазвенели тарелки, превращаясь в груды осколков... выплеснулось содержимое кофейника, причем прямо на старуху...

– Криворукая дура! – вдова схватилась за клюку.

– Простите, простите, пожалуйста... я не заметила вашу собачку, я... – Мари сжалась, прикрывая голову руками. Вид у нее был до крайности жалкий.

Собачонка издала протяжный вздох. И поднялась. И... лежала она в двух шагах от Мари. Клюка полетела в стену.

– Вон пошла! Чтоб я тебя... – старуха добавила пару слов покрепче, полагаю, подхваченных от супруга-капитана. – Вели, чтоб прибрались... ничего доверить нельзя...

– Вы только не волнуйтесь...

Мари поднялась, а я ощутила запах крови. Резкий. Едкий. И невероятно сладкий, манящий. От аромата этого закружилась голова, и вдруг я осознала, что голодна. Невероятно, невозможно голодна... настолько, что готова...

Я сглотнула. И сглотнула вновь, попыталась отвести взгляд от белого девичьего запястья, по которому скатывались алые капли. Такие крупные, такие совершенные...

– Я... я... – Мари прижала руку к себе, но так, что порез был виден. И Диттер дернулся было, но взгляд его остановился на мне. – Мне так жаль... простите, пожалуйста... умоляю, простите... и не волнуйтесь... вам вредно волноваться... у меня сердце...

– И почки, и печень...

Их голоса звучали где-то вдалеке... Я слышала стук сердца. Ровный. И... девчонка знает, что делает. Сердце не обманешь... кровь...

– Смотри на меня, – легкая пощечина отрезвила.

– Гад, – я потеряла щеку, пытаюсь отрешиться от манящего стука. – Я в порядке.

– Нет, – Диттер вцепился пальцами в мой подбородок. – Слушай меня. Ты слушаешь?

Слушаю, слушаю... куда ж я денусь... и слышу... правда, его голос заглушает песню чужого сердца, но это не имеет значения. Кровь ведь осталась... совсем немного крови мне не повредит. Девица все равно порезала руку, так зачем пропадать добру...

Вторая пощечина заставила меня зарычать. Никто и никогда еще...

– Сейчас мы уйдем, – это было сказано тоном, не терпящим возражений. – Но вернемся вечером. Я бы настоятельно рекомендовал и вам отправиться в гости... или воздержаться от приема пищи.

Я облизала губы. Ах... кровь долго не живет вне тела. И это печально... невыносимо печально... ее надо собрать... я ведь немногого прошу... я ведь не собираюсь никого есть... я...

Диттер держал крепко. Какие теплые у него руки... кровь, правда, подпорчена, но мне и такая сойдет... а вот ругаться в присутствии дам – признак дурного воспитания. Впрочем, кто вообще воспитывает инквизиторов? Им главное на костер кого-нибудь отправить...

– Костры уже сотню лет как отменили, – проворчал Диттер, вталкивая меня в автомобиль. – Ключи дай...

Еще чего... Не дам. Поменяю. На кровь... пару капель всего... я ведь не прошу многого... да, не капель, ладно, пару глотков и...

Мотор заурчал. Ах, обманщик какой, отнял ключи силой у бедной женщины... и... наваждение отступало. Жаркий день для зимы. И солнце такое жесткое... неприятное... ощущение, что кожа вот-вот слезет... я захныкала, а Диттер, содрав с себя куртку, накинул ее мне на голову.

Треклятые гардении – откуда они взялись среди зимы? – пахли резко. И куртка тоже. Табаком, Диттером и еще травами... в кармане нашлась жестянка с карамельками... смешной, такой взрослый, а сладости любит...

– Сиди тихо. Дыши глубоко. Скоро пройдет, – вел он, к слову, осторожно. А меня окончательно отпустило. Или почти окончательно. Во всяком случае, уже получалось думать не только о крови.

Красной. Сладкой. И такой необходимой мне... почему у других кровь есть, а у меня нет?

– Мне жаль, – выдавила я.

– И мне. Я должен был учесть, – я не видела Диттера, прячась от солнечного света под его курткой. – Слишком много времени прошло, а ты не ела...

– Я, в отличие от некоторых, питаюсь регулярно...

– Ты понимаешь, о чем я...

Понимаю. И... от этого понимания становится тошно. Кажется, я говорила, что моя нынешняя жизнь мало отличается от прошлой? Ложь. В прошлой мне не было нужды пить чужую кровь.

– Извини, пожалуйста, мне пришлось тебя ударить.

И кажется, он действительно чувствовал себя виноватым. Правда, не настолько, чтобы поделиться кровью.

Кап-кап... дождик идет. Алый-алый. Нарядный.

Я закажу себе новое платье, из шелка темно-вишнего цвета... и к нему гранатовый гарнитур. Или рубиновый? Думать об украшениях... думать... об украшениях... безголовые блондинки только о них и думают. К гранатам... кроваво-красным гранатам...

Машина остановилась. Надеюсь, не потому, что Диттер что-то испортил... А потом снова запахло кровью.

– Пей, – куртка приподнялась, и мне протянули руку. Широкою такую, в меру чистую мужскую руку с любезно вскрытыми венами. Могла бы смеяться – расхохоталась бы, но нет, из горла вырвался жалкий клекот. И я, наплевав на все принципы...

Пить кровь негигиенично. Тем более вот так, слизывая капли с чужой невымытой руки... ладно, мытой... но все равно чужой и... подавиться недолго.

Но горячая. Боги, я так замерзла, а она горячая. И тепло расплывалось в крови, опьяняя... мне было так хорошо... мне никогда в жизни не было так хорошо. И поэтому, когда руку

убрали, я возмутилась. Зарычала. И... успокоилась. Нет, в голове шумело, тело стало легким, воздушным. Казалось, стоит оттолкнуться от земли, и я взлечу...

Глава 14

Проклятье. Я закрыла глаза и заставила себя дышать. Воздух резиновый, а я... я не человек. Больше не человек. Только принять этот факт невыносимо сложно. Я... закрыла лицо руками и сидела, сидела, казалось, целую вечность, пока не раздалось вежливое покашливание.

– Ты в порядке?

– В полном. – Я испытывала крайне противоречивые чувства: хотелось расплакаться, сказать спасибо и придушить.

– Точно?

– Нет.

– Могу я что-нибудь сделать?

Сгинуть куда-нибудь, а заодно прибрать с собой последний месяц моей не-жизни... и родственничков в придачу.

– Расскажи...

– Что?

– Что-нибудь, – говорить из-под куртки неудобно, а ощупывать собственное лицо тем более... интересно, я перемазалась в крови? И губы влажные, и я их облизываю. Не дам пропасть ни капле... на шее, кажется, пятнышко... на платье влажно... оно темное, так что будет не слишком заметно.

Куртка опять приподнялась, и мне протянули платок.

– Тот человек, о котором писала почтенная фрау, находится в розыске... что ты слышала о кхаритах?

– Ничего.

– Твой род посвящен Плясунье...

– И это не значит, что я должна знать всех сумасшедших, которые считают себя избранными...

Когда говоришь, становится легче. Чувствуешь себя более живым, что ли? И я потеряла платком щеку. Не больно... даже если вспороть когтем, все равно не больно. Кожа как резиновая. Ненастоящая. И я сама, выходит, тоже подделка? Под человека? Нет уж, не дождетесь.

– Давным-давно... лет этак десять тому назад...

– Разве это давно?

– Все истории должны как-то начинаться, а из меня рассказчик и без того хреновый. – Он забрался на соседнее сиденье. Кровью все еще пахло, но следовало признать: ныне этот запах не оказывал столь ошеломляющего воздействия, как четверть часа тому. – Так вот, в Бёрне случилось убийство... в принципе, не сказать, чтобы событие из ряда вон... но эта жертва отличалась от прочих. Девушка из хиндари. Ее тело было покрыто красной краской, а волосы уложены в высокую прическу. Ее привязали к колышкам, вбитым в землю, а потом вскрыли живот и выпустили кишки...

– В парке?

– В грязном сарае, который мы нашли после. В парк ее просто вынесли, уложили, прикрыли алым шелком.

Его голос звучал глухо, а я приподняла куртку.

– На шее ее было ожерелье из золотых монет. На первый взгляд они казались обыкновенными, но после, когда кто-то додумался приглядеться, то понял, что на монетах выбит вовсе не портрет императора...

– Плясунья?

– Да.

– Это ложь, что ей нужны кровавые жертвы.

– Не нужны?

– Она способна сама взять любую жизнь. Так зачем ей перепоручать это кому-то еще? – сказала я то, что некогда услышала от бабушки.

Солнечный свет по-прежнему был ярким, но не причинял боли. Глаза слегка слезились.

– Не спеши. Моя кровь – не самая лучшая замена... Сейчас мы отправимся в одно место... не спорь.

Не собиралась.

– Так что там с девушкой?

– Спустя месяц обнаружили еще одно тело... девушку задушили. Но красная краска, отрезанный язык и украшения... Через месяц еще одна...

– Полнолуние?

– Как ты...

– Время власти. – Я откинулась на кресло. Теперь, когда голод отступил, вернулись запахи. Кожи. Металла. Керосина, который привязался к металлу. Мастики... красного дерева и лака, его покрывавшего. Диттера.

Он сидел сгорбившись, упершись локтями в руль. И выглядел... я так и не показала его целителю. Ничего, сейчас пусть везет меня, куда собирался, а на обратном пути уже и к целителю заглянем.

– Их было шесть?

– Да... похоже, вас все же следовало привлечь...

– А собирались?

– Из трех родов, посвященных Ей, остался лишь один. Однако... скажем так, юная наследница и старая ведьма, пребывающая в глубоком трауре... было решено, что не стоит вас беспокоить.

Зря. Я бы рассказала им про шесть рук богини, каждая из которых держит на привязи смерть. От клинка. От яда. От удавки, что ложится на шею, даруя почти милосердную гибель. От воды и огня... Да, в нашей семье рассказывали весьма странные сказки на ночь.

– Правда... после третьего тела к вашей бабушке все же обратились.

А она не говорила. Впрочем, не стоит обманываться, что мы были так уж близки. У обеих характер специфический, к близости не располагающий, да и вообще... две ведьмы в одном доме – это на одну больше, чем нужно.

– Кто-то вспомнил, что читал о подобной серии...

Все уже было. Когда-то до нас. Диттер повернул ключ зажигания.

– Двенадцать или двадцать четыре? – уточнила я, устраиваясь поудобней. С каждым мгновением я чувствовала себя все лучше. Тоска ушла. Да и... подумаешь, кровь. Некоторые целители утверждают, что кровопускания вообще очень полезны для организма. Конечно, вряд ли имеется в виду организм столь заморенный, но... помирать Диттер явно не собирался, напротив, выглядел вполне собранным и целеустремленным.

– Двенадцать... раз в двенадцать лет где-то да находят шесть тел... шесть дней и... красная краска, золотые монеты... разные способы смерти.

Он вел сосредоточенно, держа руль обеими руками. Плечи напряженные, взгляд устремлен на дорогу... очаровашка.

– Всякий раз убийства происходили в иной провинции. Расследования проводились... дважды удалось кого-то задержать...

– Казнили?

– Казнили, – со вздохом признался Диттер. – Но улики имелись неопровержимые...

Ага, потому что должны были быть таковыми. Для общественности. Однако с моей стороны благоразумно будет помолчать. У каждого – свои ошибки, и инквизиция – не исключение.

– Копии дел отсылали в центральный архив, но там их просто складировают... тогда-то и встал вопрос об изучении и систематизации, но...

Быстро сказка сказывается. Шесть рук богини – четверть круга, в который ступает одна ее нога. Рот ее полон острых зубов. Язык черен. А в глазах таится бездна. И если не кормить эту бездну, то вырвется она на волю, поглотит весь мир, а потому...

Люди по-разному сходят с ума, я знаю. Но иное безумие поражает своей кажущейся стройностью и логичностью, иначе как бы им удалось создать подобное учение?

Найти тех, кто верил, что и вправду благое дело творит? Собирает кровь богини по капле и возвращает ее Великой Матери, запирая и утробу ее, чтобы не рождала та новых чудовищ.

Шесть рук. Шесть обличей. Шесть девушек, посвященных Кхари при рождении. Их растят в любви и заботе. А когда исполнится им двенадцать, то и отводят к богине, и коль та явит знак...

Знаки являлись с завидным постоянством, поддерживая огонь чужого безумия. И тот, кто называл себя Голосом Кхари, грозился многими карами, если не исполнено будет...

Он и сам приводил дочерей своих, ибо не благословляла его богиня сыном и наследником, а вот девочки... девочки ничего не стоят. Пятеро легли на алтарь. Шестая исчезла.

А мы выбрались за пределы города. На прямой дороге Диттер держался куда уверенней. Он прибавил скорости и замолчал, позволяя мне обдумать услышанное.

Однако думать не хотелось категорически. Я смотрела на дорогу. Тополя... и снова тополя... и дикий терн. Солнце. Небо. Тепло. Диттер жмурится от встречного ветра. И губы покусывает, явно клянет, что разболтал слишком много... выходит секта. Не то чтобы такое уж новое явление, напротив, секты появляются время от времени. Иные относительно безобидны, вроде тех же весталок, объявивших себя истинными последовательницами Жизни. Они вьются у храмов, ищут свободных мужчин, которых готовы одарить своей любовью, не прося ничего взамен, что, само собой, не слишком по нраву жрицам любви и общественной морали. Первые весталок банально быют, вторая – осуждает. Но бороться с ними...

Или вот еще отшельники, постигающие глубины своего дара где-нибудь на суровом побережье Исландской земли. Почему именно там? Кто ж знает... Случались пророки. И откровения. И приверженцы старых заветов. Блюстители чистоты крови и ревнители традиций. Мир сам по себе достаточно безумен, чтобы в нем хватило места и магоненавистникам, и солнцепоклонникам, и почитателям жареных бобов.

Пока ты держишься в рамках закона, твое безумие – личное дело.

Но вот убивать девочек... Убивать нехорошо. А нехорошо убивать – и того хуже.

– Мы и вышли-то на них случайно... – признался Диттер, проскакывая поворот на Михштен. Городок небольшой, славный десятком кожевенных мануфактур, песчаными карьерами, где добывали на редкость качественный белый песок, и стеклодувной фабрикой. Михштен, некогда бывший обыкновенною рыбацкой деревушкой, за последнюю сотню лет изрядно вырос. Как-то вот оказалось, что и расположен он удобно, и дорогами его власти озаботились, а потому местный порт, возведенный, как по мне, крепко наспех, представлял немалый интерес для торговли.

И у меня имелись дела в Михштене... Надо будет по случаю заглянуть в контору, а то имеется подозрение, что тамошний управляющий, несколько расстроенный известием о скорой моей кончине, мог ввиду одного расстройства допустить некоторую путаницу в учетных книгах. И на склады наведаться, раз уж все одно здесь. Я поручала отыскать приличные, но ткани из последней партии изрядно пахивали рыбой. Вот и возник вопрос, за что, собственно говоря, я плачу...

– Женщина... не из хиндари, те никогда не пойдут против воли мужей, а она – обычная крестьянка, которую взяли замуж... пожаловалась, что дочь ее малолетняя начала говорить всякие странные вещи... и девочку привела.

Здесь воняло. Нет, я понимаю, что город портовый, что рыбаки по-прежнему выходят в море, а добычу предпочитают потрошить на берегу, вот и гниют здесь на радость окрестным воронам горы рыбьей требухи. Сюда же вывозят городской мусор, а заодно уж содержимое городской канализации. Море здесь по краю темное, грязное, с желтой ноздреватой пеной. Оно и само воняет, что гнилью, что дерьмом, однако это несколько не смущает местечковую ребятню.

Летом дети купаются, ныряют с головой, порой на спор, а порой так, из интереса или по какой надобности.

Здесь часто находят покойников, но детишек это не смущает. Напротив, случись подобное, сочтут за удачу – с приличного мертвяка многое взять можно...

Дома у берега темные, низкие и лишённые окон. На приплюснутых крышах их растут мох и трава. Иные и вовсе крыш лишены, просто ямы, на которые сверху набросали досок для тепла.

В этой части города, если это вообще можно назвать городом, мне доводилось бывать. Но не скажу, чтобы прогулка эта доставила мне удовольствие.

– И что мы здесь потеряли? – Я огляделась.

Дороги... дороги начинались где-то там, поближе к пристаням и цивилизации, а здесь имелись тропы, проложенные в грязи.

Бродили тощие свиньи, за которыми приглядывали не менее тощие детишки. Мы были освистаны.

А над головой Диттера пролетел камень, что, впрочем, дознавателя не особо смутило. Мы минули землянки... если машина сядет, вытащить мы ее не сумеем. Точнее, ее разберут на части, пока за помощью ходить будем. О чем он думает? Если вообще думает?

– К счастью, она оказалась достаточно сообразительна, чтобы не говорить мужу, куда направляется... и осторожна, чтобы не спугнуть его. А он не счел нужным запираяться. Напротив, он был горд и счастлив... он желал поделиться...

Воняло. Нет, как-то слишком уж воняло... и один поселок сменился другим. Здесь тоже были ямы, правда, не слишком глубокие. И рядом виднелись сколоченные на скорую руку крышки, которыми эти ямы прикрывали в случае дождя. Воду вычерпывали. И сливали в море. А оно, подбираясь к самому краю этого странного поселения, дразнилось, плевалось волной и отступало. И вновь подкатывалось близко, грозя в одно движение смыть весь первый ряд нелепых этих землянок.

Диттер остановил машину. Заглушил мотор.

– Тогда нам удалось задержать многих... мужчины и женщины... почти двести человек... большей частью хиндари, но встречались и наши...

Он замолчал. И я не спешила с вопросами. Вот не на прогулку же он меня привез? Прогуливаться я предпочитаю по парку, а здесь...

Машину окружили грязные детишки. Тощие. Смуглые. Темноволосые. Обряженные в тряпье и от того кажущиеся еще более уродливыми, чем они есть. Они молчали. Смотрели. Не смели приблизиться.

– И что мы здесь забыли? – поинтересовалась я.

Взрослые тоже имелись. Немного. Изможденного вида старик, облаченный лишь в набедренную повязку, стоял, покачивался на стылом ветру. Что-то терла камнем некрасивая женщина. Она столь старательно не смотрела на нас, что становилось жутковато.

– Идем, – Диттер выбрался из машины и подал мне руку.

– Как-то... не хочется.

Грязь. А у меня, между прочим, туфли на каблуке. И платье шелковое, которое ветер продувает на раз. Не то чтобы я мерзну – в нынешнем своем состоянии я не испытываю холода, – но все равно неприятно.

– Идем, – настойчиво повторил дознаватель. – На машину я круг поставлю.

Круг – это хорошо...

И все равно не понимаю. Если он стремится разбудить во мне совесть зрелищем чужих страданий, то напрасно. Страдания трогали меня мало, а благотворительностью я занимаюсь лишь потому, что это дает определенные налоговые преференции.

Но из машины я выбралась. И сама активировала защиту. Не хватало, чтобы дознаватель, куда бы он ни собирался меня отвести, рухнул по дороге... Небось здоровьем не пышет. Благородный он наш. А здесь не бывал... идет медленно, озирается... и как-то так, неуверенно, что ли?

– И все-таки?

– Твоя покровительница родом из страны Хинд... тебе нужна их кровь.

Ага... И ого. И... и мыслей нет.

Глава 15

Я оглянулась на вереницу детишек, пристроившихся за нами. Они не приближались, но и не спешили убраться, предпочитая смотреть издали. Но и к машине, слава богам, не сунулись. Старик что-то запел, а может, завыл – разница невелика. Женщина склонилась еще ниже... что бы она ни делала в грязи, но сама мысль о том, чтобы попробовать ее крови, вызывала тошноту.

– Слушай себя, – посоветовал Дитгер, помогая перебраться через гнилую доску, ощерившуюся острым гвоздем. Странно, что его до сих пор не выдрали. – Здесь селятся эмигранты. На самом деле подобных поселений много. Время от времени их зачищают. Взрослых отправляют в работные дома, детей – в приюты... отмеченных знаками – в храмы, и это удача...

Гниет. И разлагается. Расползается все вокруг... не представляю, как можно вообще здесь жить. Ведомая любопытством, я заглянула в одну яму. Куча тряпья и горка камней, в которой, полагаю, разводили огонь.

– Но не проходит и года, как возникает новый... он ширится, расплзается... кому-то удастся уйти, отыскать себе приличное место, а кто-то здесь живет годами.

Скоро разрыдаюсь. Нет, но воняет же... и не только морем. Поэтому, наверное, я к морю и повернула, чтобы ветер смыл с меня местные запахи. А то ж и задохнуться недолго.

Туфли мои проваливались в грязном месиве. В них уже что-то хлюпало, а платье, предполагаю, после сегодняшней поездочки придется выбросить.

Хотя... Если посмотреть вокруг немного иначе...

В списках моей недвижимости, помнится, числились бараки, которые я не имела права снести, но и использовать их по прямому назначению не могла, ибо требовали они ремонта, да и... кто пойдет жить в бараки? Теперь я знала.

– Здесь рождаются и умирают. Они не регистрируют новорожденных, разве что в последние годы, когда за это стали платить.

Стояли бараки на побережье, некогда в них обретались солевары, но ныне промысел зачах. С другой стороны, пару лет тому назад случилось мне побывать на устричной ферме, и с тех пор идея, казавшаяся несколько нелепой, не отпускала меня. Если попробовать...

Имелся у меня агент, которому можно поручить закупку спата. А работа не столь сложная, чтобы нанимать мужчин. Местные же детишки, думаю, будут рады возможности получить пару марок.

Я вдохнула теплый воздух. А ведь не так и воняет... точнее, воняет по-прежнему, будто нахожусь на дне выгребной ямы, но... теперь в нем появились нежные оттенки... Очень нежные. Вуаль на саже...

Надо будет запретить копать сточные канавы в воду. Ямы и только ямы, и чтоб не менее чем в пятистах шагах от берега... Лучше раз в полгода заплатить чистильщикам, нежели потерять весь урожай устриц.

Управляющего найти... На это дело нужен кто-то из Пфальца, там, слышала, подобные фермы тоже заложили. Если поставить хорошую зарплату, переедут... поручу агенту, пусть подыщет кандидатуры.

Я шла. Я шла быстро. И кажется, потеряла туфлю. А вторую, не желая останавливаться, сама стащила с ноги и выкинула в море. Так лучше. Чулки порвались...

Выставлю инквизитору счет. Хотя... судя по обноскам, он его три года оплачивать будет. Где он, к слову? А... рядом... и не потерялся, надо же... я же спешу.

Куда? На запах. Терпкий. Сладкий. Родной... мой запах. Крови? Конечно... и не только. Я остановилась на мгновение, пытаюсь сориентироваться. Ветер-шутник вздумал поменять направление, будто хотел спрятать мой собственный аромат среди запахов дыма и жженого волоса... нехорошо.

Но меня не проведешь. В какой момент запах стал не важен? Теперь я просто чувствовала направление. И расстояние.

Завтра же отобью телеграмму... и позвонить стоит, чтобы после не жаловался, будто неправильно понял мои распоряжение. С ним прежде случалось подобное...

Сорок шагов.

На самом деле Йохан меня крепко недолюбливает, пребывая в уверенности, что истинное предназначение женщины – служить мужчине, а никак не наоборот, но специалист он отменный, а я хорошо плачу и закрываю глаза на его дурную привычку говорить правду в глаза.

Тридцать.

И мусорная куча, больше похожая на гору средних размеров.

Двадцать.

Моя затея с импортом колониальных товаров иного свойства, нежели обычные какао, рис и золото, помнится, ему тоже не нравилась, но после он, сцепив зубы, признал, что доход она приносит изрядный.

Десять.

Устричной ферме он как пить дать будет сопротивляться. Но саботировать дело не станет.

Дом. Точнее, сооружение самого уродливого вида, какое мне только доводилось видеть. Слепленное из досок, каких-то осклизлых тряпок, перемотанное веревками и затянутое сетями, оно выросло из мусорной горы естественным ее продолжением.

Люди. Мужчина, обнаженный по пояс. Смуглая кожа его лоснилась, блестела потом. Он был высок. Широкоплеч. Мускулист. На таких, пожалуй, приятно смотреть. А уж татуировка, начинавшаяся на левой лопатке, и вовсе являлась произведением красоты. Бледно-золотистая змея обвивала руку мужчины. Тело ее становилось то уже, то шире, чешуя поблескивала, а глаза и вовсе сияли зелеными камушками, вживленными в кожу. И готова поклясться, что камушки эти – изумруды весьма неплохого качества.

Лица мужчины я не видела, только спину его. И змею. И еще плетку в руке. И женщину, распластавшуюся в мусоре. Вот плетка взлетела, лениво так, будто мужчина устал, или не он, но кожаные ремни, украшенные узелками. Колыхнулся тяжелый воздух, подхватывая их. И не удержал. Женщина молча вздрогнула. И сжалась в комок. А манивший меня запах сделался резким, почти неприятным. Пахло кровью. От женщины. Она... она была, и это все, что я могла сказать. Черные волосы разметались, скрывая лицо. Грязное тряпье облепило тело, прикипая к свежим ранам.

И это меня разозлило. На самом деле, что бы там ни говорили о моем характере, по настоящему злостью я крайне редко.

Взмах. И я перехватила руку. Сжала, с удовольствием отметив, как хрустнула кость... кажется, локтевая... или лучевая? Ах, если чуть сильнее, то и обе... обе – так правильной. Никто не смеет трогать, принадлежащее мне.

Рывок. И плетка летит в мусор, а мужчина отправляется следом. Правда, его подбросить не получилось, но хватило пинка. А я склонилась над женщиной. Я слышала, как стучит ее сердце. Я видела, как пульсирует жилка на шее и ничего, кроме этой растреклятой жилки. Я... удержалась. И протянула руку.

– Пойдем со мной.

А она, как ни странно, распрямилась. Черные глаза. Смуглое лицо... Наверное, она была даже красива. Раньше. И быть может, даже красота к ней вернется, когда отеки сойдут. Нос мы поправим, а вот с зубами сложнее. Зубы вставить – это целая проблема.

– П-простите, г-госпожа, – ее голос был тих. – Я... я н-не...

Взгляд ее метнулся мне за спину. И она вдруг распрямилась. И взгляд стал жестким, словно она только что приняла решение, от которого не собиралась отступать.

– Только если вы заберете и моих детей...

Женщина облизала распухшие губы и поспешно, будто опасаясь, что я передумаю, добавила:

– В них тоже течет кровь хинару... они пригодятся вам... позже, когда подрастут.

Детей я не любила, но... Кровь – дело другое. Глядишь, и вправду пригодятся.

Ее звали Рашья.

Она появилась на свет в маленькой деревушке на краю леса, где и жила, пока семья не решила переселиться. Почему? Она не знала.

Быть может, родители просто не желали тратить на приданое.

Или и вправду надеялись, что за морем их ждет лучшая судьба? Или во всем виновата проклятая кровь Рашьиной бабки, которая однажды вышла из леса и осталась, и нашла себе мужа, и привязала его, не иначе как силой Кхари... как и почему, Рашья не знала, просто однажды ее и троих сестер посадили на корабль, поручив древней старухе, которая, кроме них, присматривала еще за двумя дюжинами детей. По прибытии старуха их просто продала.

Рашье повезло. Как по мне – в бездну такое везение... но она полагала иначе. Ее муж – мужчина достойный, сильный и происходящий из касты воинов, чем она поначалу гордилась. И взял ее он без приданого, что столь же невероятно, как и сам факт, что некто, вроде Ашшаса, обратил свой взор на девочку низкого рода.

Но после...

Рашья была четвертой его женой. Первая не прожила и года. Вторая протянула чуть дольше. Третью в поселке еще помнили. Нет, там не принято было вмешиваться в дела чужие, тем паче что боги дали мужчине силу, дабы властвовать, пусть всего-навсего над собственной женой.

Рашья, в отличие от прочих, оказалась живучей. Она сумела забеременеть и выносить дитя. И в это время была почти счастлива, поскольку Ашшас, ожидая рождения наследника – кровь великого рода не имела права угаснуть, – был даже заботлив.

Но родилась девочка. Что такое девочка? Пустые заботы. Траты. Приданое, которое придется собирать, когда каждая марка на счету, а еще позор, ибо у сильных мужчин рождаются сыновья. В тот год Рашья выжила, не иначе, чудом. И частью его была работа, которую удалось найти. Она мыла полы в публичном доме, за что и получала монеты.

Другое? О нет, кто взглянет на женщину, чье лицо изуродовано побоями? Ашшас не желал делить супругу с кем бы то ни было, хотя многие весьма охотно отправляли своих жен и дочерей подрабатывать древним и незатейливым способом.

Дикая жизнь. Безумная. И меня еще нежитью называют.

В машину мы худо-бедно влезли. Конечно, она вовсе не предназначалась для такого количества народа, да и имелись у меня определенные сомнения: ну как вонь привяжется к обивке? И насекомые... терпеть не могу насекомых, а на этой троице их, полагаю, множество.

От Рашьи пахло кровью.

О да, она была хорошей женой. Покорной. Сильной. Знающей свое место. Она много работала, когда удавалось найти работу, и приносила деньги мужу. И ей жаль, что она вновь родила дочь. Она надеялась. Так надеялась... Второй девочке было лет пять с виду. Тощее нечто, завернутое в лохмотья. Руки-веточки, ноги со вспухшими коленями. Огромная голова и черные глаза. На меня она смотрела сквозь ресницы, но внимательно, и чудилось...

Я, преодолев брезгливость, коснулась завшивленной головы. Пакля волос, обрезанных наспех... и да, та самая хорошо знакомая по храму сила. Она пока спала, но пройдет год или два... Подумаем, куда отправить. Я пока не слишком хорошо представляю, как воспитывают юных ведьм.

Младенца Рашья прижимала к себе.

Она терпела. Она бы терпела и дальше, ведь все живут если не так, то похоже. Но... ее супруг велел выкинуть младенца. Да, так поступают и весьма часто... Он, быть может, избавился бы и от старшей дочери, но имел неосторожность зарегистрировать ее в магистрате. Две марки давно потрачены, а ребенок остался и...

Диттер вел машину аккуратно. Молчал.

Я, задав пару вопросов, успокоилась: дом большой, хватит места еще для троих. Только отмыть придется... Кормилицу искать надо или она сама справится? Или стоит распорядиться, чтобы в список покупок добавили свежее молоко.

Где-то я, кажется, слышала, что козье лучше коровьего, но почему – понятия не имею...

Глава 16

Возвращались мы уже в сумерках. Рашья, кажется, задремала. Младенец в ее руках за все время не издал ни звука, я вообще, честно говоря, сомневалась, жив ли он, но сомнения держала при себе.

Кровь. Мне нужна кровь этой женщины. Почему именно ее? Понятия не имею, но... Если полистать семейные архивы, в которые я прежде заглядывать избегала – что там могло быть полезного? – глядишь, и отыщется подсказка.

Мейстер Виннерхорф был у себя.

Редкостное везение. Он у нас человек занятой, пусть и пользуется исключительно людей, способных оплатить услуги целителя первого уровня, но и при том работы хватает.

То мигрень приключится. То подагра. То еще какая напасть... или просто возникнет у какой старой ведьмы непреодолимейшее желание пообщаться, поделиться воспоминаниями о юности и заслугах былых. С родственниками оно уже не интересно, те байки наизусть заучили, а вот мейстер Виннерхорф – дело иное. С таких вот он брал втрое против обыкновенного, как-то признавшись, что часть жертвует в городскую лечебницу для бедных. И в этом имелся определенный смысл.

В общем, повезло.

Жил он в старом доме, прикупленном по случаю, – злые языки утверждали, будто бы прежнего владельца он самолично отправил в мир иной интенсивнейшим лечением. Как оно было на самом деле, понятия не имею. Главное, выглядел дом прилично и расположен был наиудобнейше. На первом этаже его вместились приемный покой, несколько палат, которыми пользовались крайне редко и небольшая алхимическая лаборатория. С ней мейстеру помогали управляться аптекарь и трое личных учеников.

Старшенький из них и уставился на меня круглыми очами.

– Мейстера позови, – велела я, сбивая с рукава нечто, надеюсь, не блоху.

Я ведь мертвая. Чего с меня блохам взять-то? Но в волосах зачесалось, и зуд этот был столь отчетливым, что я, не выдержав, поскреблась.

Надо определить эту троицу куда-нибудь. Нельзя их в дом, во всяком случае, пока не помоются и насекомых не выведут.

Девочка жалась к матери. Младенец молчал. Рашья дышала часто и поверхностно... и кровью от нее опять пахло... крепко пахло, нехорошо. Я потеряла руки... если она умрет, я найду того ублюдка и буду ломать ему кости одна за другой... Да, определенно, это будет неплохой компенсацией за потраченное время и разбитые надежды.

Мейстер Виннерхорф был в домашнем.

Мягкий костюм темно-синего колера, клетчатый халат, наброшенный поверх пиджака. Трубка в зубах и очки на макушке. Надо же, а я и не знала, что у него со зрением дурно.

– Кого бы другого я прочь отправил, – сказал он, взмахом руки отправляя ученика. Впрочем, далеко тот не ушел, устроился за дверью. Я слышала, как он вздыхает и переминается с ноги на ногу.

– Мейстер, вы же знаете, я по пустякам не беспокою... будьте добры...

Диттер устроился в уголке. Журнальчик взял... журнальчики в приемном покое были весьма сомнительного толка и зачитанные до дыр. Помнится, имелась среди них подборочка, повествующая о пользе ходить обнаженными... или вот еще о новинках в мире моды... правда, новинками они были лет этак пять тому назад, но...

Мейстер хмыкнул. Трубочку отложил. Снял халат, повесил на плечики, бережно разгладив складочки. Размял пальцы и, подойдя к Рашье, положил пальцы ей на виски, заставил запрокинуть голову.

– Интересно... как интересно... определенно...

Что именно интересно, я уточнять не стала, но тихонько вышла. Старуха ждать не станет, а характер у старой ведьмы истинно ведьминский, и потому обещание стоило сдержать. А для этого надлежало уточнить кое-что...

Два часа.

И несколько поздних визитов, которые мне, надеюсь, простили, а если и нет, то и в бездну. Мертвым позволено куда больше, чем живым.

Главное, что у меня сложилась определенная картина. Простая донельзя и... и я не удивилась, обнаружив в автомобиле Диттера.

– Как успехи? – поинтересовался он, потирая переносицу.

От него пахло виски, но запах был слишком резким, чтобы я поверила, что этот виски пили. Вылили на одежду, пытаясь заглушить иной аромат, к счастью, ныне мною ощущаемый весьма остро. Кровь, значит, шла. Я наклонилась к его лицу.

А он вполне симпатичный... только замороженный очень... откормить, причесать... приодеть... Диттер моргнул. Я же улыбнулась... и сунула руку в нагрудный карман. Так и есть.

– В следующий раз отправь его в урну, – я вытащила мятый ком носового платка. – Или сожги...

Темные пятна успели засохнуть, а значит, кровь шла давно, что, однако, не отменяло явно нездорового вида моего дознавателя.

– К сожалению, я не могу позволить себе разбрасываться платками...

– Я тебе подарю дюжину. Или две...

– Спасибо, не стоит...

Это не ему решать... и расческу тоже подарю, хотя, конечно, в этой естественной лохматости имеется определенный шарм. Я не удержалась и потянула за прядку.

– Прекрати.

Еще чего... кровь и виски... виски и кровь... странноватое сочетание запахов, но манящее... я наклонилась ниже.

– Этак я решу, что ты меня домогаешься...

Интересная мысль. А главное, вполне разумная... кого мне еще домогаться, если он хвостом ходит?

– Это плохо?

– Не знаю.

Отстранить меня он не пытается. Может, тешит себя надеждой, что я возьму и образумлюсь? Это зря... но не стоит с ходу пугать мужчину своей готовностью составить его личное счастье. И я с некоторым сожалением отпустила его. Ненадолго.

– Она немного переиграла...

– Мари имеешь в виду?

– Ее, – я не спешила садиться в машину. – Что с Рашьей?

– Несколько сломанных ребер. Отбитые почки... крайняя степень истощения... у девочек тоже. Ей придется задержаться на несколько дней.

– Только ей?

И куда мне детей девать?

– Им всем, – поправился Диттер. – Тот целитель сказал, что счет будет большим.

Я махнула рукой. Пускай... главное, что временно я эту проблему решила. Что же касается остального, то...

– Кровью запахло позже. Сначала она споткнулась. Упала. А кровью запахло уже потом... она сама себе разрезала руку. И ожог оставила... игра на публику. Здесь заказывали два комплекта. Сначала в лиловом цветет, потом Мария позвонила и предупредила, что ее хозяйка желает еще один наряд, оттенка фуксии. Она так иногда делала, вот никто и не удивился... наряды забирала тоже Мари... И она же ненароком обмолвилась, что бедная Биттершнильц совсем плоха. Нет, не так...

Мари молчала, но пара правильных слов, пара вздохов, и швей – прелюбопытные девицы – сами сделали выводы. И они же разнесли зародившиеся слухи по городу, что крысы чуму. А там... кто-то что-то припомнил, кто-то присочинил... и вот уже все уверены, будто Биттершнильц и вправду из ума выжила.

А если добавить сломанный мизинец... случайность, она не хотела дурного... Или рану столь глубокую, что потребовалось ее зашивать. Свежий ожог... она не хотела выплеснуть кофе в лицо, но характер... ведьма... припадки ярости случаются все чаще... И вот уже кто-то видел, как в аптеке Мари приобретает успокоительное. Для себя, естественно... У нее такая хлопотная работа.

– А ты знала, что ее внук на самом деле не родной внук? Он какой-то родственник последнего мужа. Очень дальний. И отец его держит сапожную лавку, – Диттер к моей истории отнесся с обычным своим вниманием.

Не перебивает. Не ноет. Золотой мужчина... и пахнет приятно. Я поерзала, подвигаясь ближе, хотя между сиденьями все равно оставалось приличное расстояние, но...

– Не так давно лавку продали за долги. Юноша – изрядный игрок...

А платок я сохраню. Просто так.

– Инквизиция за нами следит? – усмехнулась я.

– Увы, – Диттер развел руками. – Работа такая... ты не устала?

Дом встретил нас подозрительной тишиной. Белели в темноте мраморные статуи, и красивыми они не выглядели. Напротив, появилось в общем обличье что-то донельзя омерзительное.

И Диттер не стал возражать, когда я взяла его под руку. А я сделала вид, что не заметила, как на пальце левой руки появился махонький перстенок, от которого разило магией так, что зубам становилось больно.

– Эй, есть тут кто? – Я ткнула молотком в медную бляху, но звук вышел тихий, протяжный.

Надеюсь, мы не опоздали. Надеюсь... Это ведь так просто. Устроить несчастный случай для сумасшедшей старухи, которую все ненавидят настолько, что лишь с облегчением вздохнут, узнав, что старуха отправилась к демонам. Там ей самое место. И расследования не будет. Не на это ли они рассчитывали? Не сейчас, но... Мы появились, полезли, куда не просят. И не был ли спектакль с разрезанной рукой лишь способом избавиться от меня. Ненадолго... им хватило бы пары часов, а я... Мы... И где искать бабкино письмо? Если оно вообще существует. С ведьмы стало бы солгать.

– Эй, – дверь открылась.

В холле пахло пылью и еще мастикой. Пол недавно натирали. Или лестницу? Скользкие лестницы стубили не одну богатую старуху...

– Чего шумишь? – раздался скрипучий голос сверху. – Явились? Вас только за смертью и посылать.

Она стояла наверху, почтенная вдова, владелица копей, пары фабрик и одной мануфактуры, почетный член благотворительного комитета, председатель клуба изящной словесности и просто ведьма в двенадцатом колене.

– Аккуратней поднимайся, – велела она, – масло разлили... ишь, затейники... я думала, просто подушкой придавят... а эта... прислугу отпустила, мол, мне нездоровится.

Скользкая лестница. И темные пятна на белом камне. Следы мои остаются в масляных лужицах, и я запоздало вспоминаю, что туфли мои потерялись где-то там, на захламленном берегу.

Старуха потянула носом.

– Ты по какой помойке гуляла? Впрочем, мне неинтересно... пошли, заберете...

Тусклые светляки. Темные коридоры. И да, дом определенно начал меняться. Что ж, вскоре одним приличным домом станет меньше. Не то чтобы меня это так уж печалило, но...

Просто интересно, что здесь случилось. Кровью не пахнет... трупы... если бы они были, старуха нашла бы способ убрать. А значит, все иначе...

Они сидели, держась за руки. Маленькая комнатка с видом на розовый сад. Блеклые обои, выцветшие панели. Сухой букет в старой вазе. Древний клавесин пылится в углу. Мужчина. Женщина. Руки в руках, в глазах восторг и неземное счастье, понятное лишь им двоим...

– Приворотные запрещены, – мрачно сказал Диттер, обходя парочку.

– Тю... мальчик мой, ведьме моего уровня приворотными пользоваться некомильфо... обычное проклятье...

Тут старуха лукавила. То сплетение темных нитей, которое окружало парочку, никак нельзя было назвать обычным. Тонкая работа. Изысканная. И главное, на самой грани дозволенного... Оказывается ли влияние на разум? Прямое – нет, а опосредованное... Просто, пока он видит ее, любовь жива, а стоит отвернуться...

– Зачем? – Диттер отступил.

– Предлагаешь, надо было позволить убить себя? – Старуха приподняла бровь. – Я ведь чувала, что неспроста все... она меня травками поила... Небошь, если б не травки, я бы сразу разобралась... Затейники, вздумали меня сумасшедшей выставить... сделали безголовой старухой.

– Это... – Диттер оглянулся на меня, явно ища поддержку.

– Она в своем праве, – я покачала головой. – Им не причинили вреда. Физического.

А вот та жизнь, которая их ждет. Вряд ли блондинчик чудом излечится от своей страсти к играм. Да и умнее он не станет.

– Кто получил бы наследство?

– По завещанию? – Ведьма выглядела донельзя довольной.

Что ж, проклятие было совершенно. И пока оно еще висело, полностью подавляя способность своих жертв воспринимать мир реальным, но пройдет пара дней или месяцев, и они осознают, что любовь их искусственна, а вот жизнь – она настоящая. Изошренно.

– Большой частью школам отойдет... кое-что приютам для одаренных. Храмам...

Я кивнула. Понятно. Такое завещание можно опротестовать, если доказать, что старуха была безумна. Дело затянулось бы на годы, но... может, рассчитывали договориться? Половина состояния тоже много.

И как наследник... Блондинчик поцеловал раскрытую ладонь Мари. А я отвернулась. Заслужили. Жалости я не испытывала, сочувствия тоже. Я протянула руку к вдове и потребовала:

– Мое письмо.

Глава 17

Старуха вышла.

– И что нам делать? – мрачно поинтересовался Диттер, потирая колечко. Его явно подмывало обратиться к силам высшим, вот только подозревал, верно, что повод недостаточно веский. А силы оные лучше по пустякам не тревожить.

Свет – он тоже не всегда благодатный.

– Ничего, – я поводила руками над макушкой Мари. – Само пройдет.

И вообще... По заслугам.

– Но это же...

– Она в своем праве. – Нити проклятья колыхнулись, истончились, но лишь затем, чтобы вновь восстановиться. Они срастались моментально, не меняя узора, из которого мне, если быть честным, были понятны лишь отдельные элементы.

– Это незаконно...

Как сказать... проклинать людей, конечно, закон не разрешает, но если проклятье не причиняет физического вреда, то ведьма отделается небольшим штрафом. Или большим. Впрочем, состояния старухи хватит и на то, и на другое, и на вместе взятое.

Диттер запыхтел.

– Она могла...

– Что? Обратиться в жандармерию? – Я помахала рукой перед глазами Мари, но та даже не моргнула. Вот это я понимаю, сила... – Во-первых, ее здесь не любят, а потому с большой долей вероятности никто не стал бы слушать, что там лепечет сумасшедшая старуха.

– А во-вторых, даже если бы стали... с ними легко договориться. Состояние же старухи – кусок лакомый... В-третьих, случись чудо и начнись расследование, что бы им инкриминировали?

Дознаватель повернулся ко мне спиной. Не одобряет. Я сама не сторонник вот таких вот методов решения, все же проклятия – материя тонкая, никогда не знаешь, как на судьбе отразятся. Бабушка так говорила, а уж она в подобной волшбе знала толк.

– Пара безобидных шуток... а ведь они планировали убийство.

– Все равно...

– Деточка, инквизицию не переубедишь. – Старуха двигалась легко, будто разом скинув прошедшие годы. И становилось ясно, что проживет она еще не один десяток лет, исключительно назло окружающим. – На редкость упрямые типы... был у меня один любовник, из ваших... горячий мужчина, но такой неподатливый... это у них от природы... благодать даром не проходит. А в жандармерию ты сходи, для порядку, так сказать...

Сходим. Чего уж тут, правда, сомневаюсь, что визит этот доставит мне удовольствие.

– На от, – старуха протянула узкую плоскую шкатулку. – И тебе, болезный. По капле натошак, и, глядишь, еще побарахтаешься... что уставился? Мы-то, конечно, зло, да только и люди не добры... Прежде чем на ведьму пенять, пусть на себя посмотрят... Бери-бери, я людей не травлю... без причины особой, да... а ты мне безразличный... только раз уж за девкой увязался, здоровье пригодится. Их род не нами проклятый...

– А кем?

Старуха махнула рукой: мол, идите уже.

И добавила:

– Я ей приданое дам... тысячи три, а может, и четыре... и не гляди на меня, мальчик, сперва доживи до моих лет, а после уже и осуждай... и никогда, слышишь?! Никогда не дразни ведьму... хотя чего я говорю? Ты уже на своей шкуре испытал, верно?

Уже в машине я протянула Диттеру флакон.

– Не будь дураком, она хоть ведьма, но травить и вправду не станет.

От флакона разило магией, темной, недоброй, наверняка на крови замешанной, но Диттеру этого знать не надобно.

– И если сама взялась помогать, то прими.

Проживешь чуть дольше. Но этого я не сказала. А Диттер, к чести его, не стал притворяться, будто чужая помощь ему без надобности. Флакон принял и спрятал в нагрудном кармане, добавив:

– Я все равно доложить обязан.

– Докладывай, мне-то что?

Старуха выпутается. И он прекрасно это знает, оттого и злится, а еще устал зверски. Вон, глаза трет, зевает... это мне сон без надобности, а люди, они куда слабее. На обратной дороге Диттер заснул. Съехал, свернулся на сиденье калачиком... такой беззащитный, что просто прелесть какая... Я не удержалась и погладила дознавателя по волосам.

Устал, бедолага. Будить его – преступление, а потому я свернула на Мильгертштрассе, а оттуда – Кожевенный переулок, теперь, правда, более известный как веселая улочка. Мимо древней пожарной станции, где ныне разместилась больница для бедных, и на старую дорогу.

Мощеная булыжником, она тускло поблескивала в свете фар. Дома терялись в тени, и только в редких окнах виднелись пятна света. Здесь пахло маслом и железом, и еще копотью. Старые печи жгли уголь, а в огромных ямах, вырытых под домами, скрывались немалые запасы светильного газа. Здесь жили люди, которые не могли позволить себе большего, но еще не подошли вплотную к черте бедности. Бедные в нашем городке вообще не задерживались.

Город закончился внезапно. Вот он был, и вот поля... слева и справа. Впереди виднеется черная кайма леса, над которой нависла слегка обглоданная луна. Цвет она имела желтоватый, сливочный и казалась какой-то неестественно огромной. Я добралась до озера, которое некогда было прудом, но после разлилось, раздобрело, обзавелось кувшинками и той озерной темной водой, которая говорит о коварстве нрава и немалой глубине.

Здесь было прохладно и... Я подняла с пола грязную куртку. Надо будет свозить его к портному... Я кое-как куртку отряхнула и набросила на плечи Диттера. Вот так... а то доедем, там в дом идти, он проснется и, как знать, заснет ли вновь? А ему отдых нужен. Я же... я же просто посмотрю на воду. На круги. И на кувшинки, рассыпавшиеся по воде белыми звездами. Стрекоз вот нет, зато где-то далеко слезливо жалуется на жизнь филин.

Взяв шкатулку, я провела пальцами по гладкой ее поверхности. Лаковая. И ни узоров, ни... замка тоже не видно, но это не страшно. Я помню, в подобных бабушка хранила украшения. Не все, конечно, но из тех, которые особенно дороги. Гарнитур с желтыми алмазами? Нет, там у шкатулки имелась крохотная царапина сбоку.

Или вот рубиновое ожерелье. Крупные камни насыщенного темно-вишневого цвета. И мелкие алмазы, подчеркивавшие цвет... Еще сапфировое кольцо... диадема... комплект с изумрудами... украшения остались в семье. Я застраховала их на весьма приличную сумму и отправила в банк.

Эта шкатулка определенно была незнакома. И все-таки... Я провела ладонью по крышке, прислушиваясь к ощущениям. Усмехнулась, когда зазвенела и лопнула струна сторожевого проклятья. Оно представилось мне этаким сонмом черных искр, которые несколько мгновений окружали шкатулку, а после истаяли, оставив терпкий сладкий аромат кладбищенских лилий. Значит, смертельное. Из запрещенных.

Почему-то не удивляло... Теперь аккуратно надавить на углы крышки. Постучать по дну... три... два и снова три. Беззвучный шелчок. И крышка приоткрывается. А бабушка явно не слишком доверяла старой подруге, если спрятала пару проклятий внутри. Меня они хвата-

нули за пальцы, но отпустили. И рассыпались. Жаль, структура прелюбопытная. В учебниках я ничего подобного не видела.

Я покосилась на Диттера. Спит... и пузырей не пускает. Вообще спящие мужчины, как правило, выглядят довольно жалко. Помнится, был у меня приятель, который во сне поскуливал и сучил ногами. Еще один имел отвратительную привычку чмокать... кто-то и вправду пузыри пускал... нет, я понимаю, что и сама я вряд ли выглядела столь уж привлекательно, но...

Время тяну. И любопытно заглянуть, и в то же время не отпускает ощущение, что делать этого не стоит. Я бережно погладила шкатулку.

Бабушка, бабушка...

Дорогая, следует помнить, что никто из них, называющих себя семьей, не искренен, – бабушка сидела у окна. Она курила тонкую черную сигару, которую вставляла в тонкий и черный мундштук, и эта конструкция тогда казалась мне верхом совершенства. Как и сама бабушка.

Ведьмы стареют лишь тогда, когда сами решают. Бабушке на вид было чуть за тридцать, и выглядела она куда как привлекательней тетушки Фелиции, которая посмела заявиться без приглашения и не одна, но с противными своими мальчишками. Мол, пусть дети поиграют. Мне нужна компания. Компания мне была без надобности, у меня имелись свои планы на этот день, а пришлось влезать в платье с оборками и притворяться воспитанной леди. А потому мои кузены выводили меня одним фактом своего существования.

Хотя при прошлом визите Полечка обозвал меня уродкой, а его братец, содрав шляпку, зашвырнул ее в кусты колючего терна. Ныне оба старательно притворялись милыми. Мы терпеть не могли друг друга, но несколько часов играли пьесу на радость взрослым. Взрослому.

– Крыса храмовая, – сказала бабушка, когда тетка отклонялась-таки. И добавила то самое, про семью...

А ведь она никого не привечала. И мне это наше существование вдвоем, в огромном доме, казалось чем-то в высшей степени естественным. Тетки раздражали меня сюсюканьем и привычками щипать за щеки. Они приносили конфеты и дешевых кукол, хотя я давно уже вышла из возраста, когда в кукол играют...

– Не верь им, – бабушка выпустила колечко ароматного дыма. – Никому и никогда.

Я и не верила. И не собиралась. И... получалось, ей тоже нельзя было верить? Тому единственному человеку, которого я полагала родным? Ведь если бы она и вправду заботилась обо мне, не стала бы играть... а это игра, правила которой мне совершенно непонятны.

Диттер вздрогнул, но не проснулся.

А я решительно откинула крышку. И белый листок бумаги бабочкой выпорхнул из шкатулки. Закружился, опустился мне на колени. Замер... Просто листок. Белый. Оборванный с одного края, измятый – с другого. И отпечаток детской алой ладони на нем выглядит нарядно. Я подняла листок двумя пальцами и поднесла к носу. Не кровь. Краска. И чей это... или мой? Конечно. Зачем ей хранить отпечатки чужих рук?

В шкатулке обнаружился кинжал. Такой вот... характерного вида кинжал с узким слегка изогнутым клинком и темной рукоятью. Очень темной. Дерево.

Кто делает кинжалы из дерева? Но мягкое, теплое, оно ластилось, просто умоляло взять в руки... и я поддалась. Бережно вынула кинжал, прижала к щеке. А клинок острый...

Давным-давно, столетия тому назад, когда люди лишь начали осознавать, что миру нашему тесновато будет на спине черепахи, пусть даже и огромной, а предвечный океан вовсе не отделяет земли человеческие от Верхнего и Нижнего миров, Империя была мала. Слаба. Истощена и раздираема внутренними распрями. Императоры сменяли друг друга, но лишенная благословения династия доживала последние дни. И соседи, как положено добрым людям, терпеливо ждали, когда же отойдет последний из рода Гунтербурхов, чтобы, переступив гра-

ницы, совершить доброе дело и спасти как можно большее количество территорий от возможных беспорядков, включив их в состав собственных земель.

Я баюкала кинжал, шепотом рассказывая ему о себе, не способная расстаться с этой чудеснейшей вещью. Ах, почему бабушка скрывала...

Что подвигло ослабевшего и, поговаривали, неизлечимого Петера, прозванного после Кривошеим, снять последние верные полки с границы и отправить их по темному пути? Была ли и вправду ведьма-предсказательница, чье слово достигло-таки ушей Императора?

Или же увлекся он рассказами торговца о землях чудесных, где золота столько, что им мостят дороги? Золото – хороший способ решить проблемы.

Или дело в том ларце, который якобы преподнес торговец, выказывая уважение, а заодно подсовывая петицию об избавлении себя, любимого, от податей? И содержимого ларца оказалось достаточно, чтобы петицию подписали.

Дом Минхельсоргенов по сей день обладает небывалыми привилегиями.

Как бы там ни было, но две дюжины кораблей, нагруженные отменными войсками, пистолетами, приобретенными у соседей в долг – те не сопротивлялись, полагая, что вскоре оружие обернется против Императора, – а заодно уж и свинцовыми пулями, порохом, десятком орудий мелкого калибра, лошадьми, фуражом и прочими скучными, но необходимыми в военном деле вещами, направились к свежестроенным берегам, положив начало Великой Экспансии.

Само собой, у берегов тех имперцев не то чтобы вовсе не ждали, но не сказать, чтобы опасались. Да и вели они себя поначалу весьма прилично. Была открыта торговая фактория. Организована пара предприятий под патронажем короны. В Империю тонкой струйкой потекли товары из будущих колоний, пока наивно полагавших себя равноправными партнерами.

Клинок пел. На незнакомом мне языке, но я шепотом повторяла слова, раскачиваясь.

Я знаю, где его место. И не понимаю, почему его, несчастного, лишили дома. Нехорошо, бабуля... очень плохо... Она ведь и рассердиться может.

Мой славный предок, тогда еще лишь младший сын древнего рода, служил Императору. И не сказать, чтобы служба шла... без финансовой поддержки при дворе тяжело, а род был не столь уж велик, чтобы взять и оказать оную.

Случись восстание, полагаю, мой предок сумел бы реализовать свои таланты, но тут повеяло ветром перемен, зазвенело золото из чужих краев и поманило всех авантюристов.

Новые земли были огромны. И манили невиданными сокровищами. Мир, раздранный на части, принадлежащие смуглолицым правителям, полагающим себя детьми богов. И боги эти, весьма странные, что ликом, что повадками.

И покорные люди, готовые принять любую власть... их грабили. Сперва нерешительно, опасаясь, что смуглокожие раджи объединятся и выкинут незваных гостей из благодатной страны. Но те были слишком горды и самоуверенны, а еще предпочитали дружить с белыми людьми, поющими о благе и богатствах. Тем паче что у людей имелись ружья и пушки, способные укротить наглую чернь.

О да, он знает, мой маленький приятель. Он появился задолго до чужаков, созданный неизвестным мастером из древесины каменного дерева. Произрастающее на горе Ашурматари, где, как известно, боги сходили на землю и поднимались ввысь, оно впитало в себя немало силы...

Оно помнило, как пришел голод. И опустели рисовые поля, потому что теперь весь урожай уходил в города, а оттуда – к побережью. Империи нужно было много товаров, и белый рис – неплохой вариант.

Оно помнило умирающие деревни и тигров, которых расплодилось столь много, что они не боялись выходить к людям даже днем.

Кости, на которых возводили новые фактории. Железные жилы дорог. Грохот пушек, который заглушил голос несчастных сипаев...

И кровь белолицых. И на них нашлась управа. Правда, поздно – чужаков вдруг стало слишком много, и те, кто еще вчера полагал их безобидными, ужаснулись, увидев, во что превращается благодатная страна.

Кинжал пел о войне. О темнолицых тхуга, что ступали бесшумно и одним прикосновением лишали жертв силы воли. Они уводили и солдат, и офицеров к алтарям своей богини...

Дитгер тяжело вздохнул во сне.

Инквизиции тоже нашлась работа, когда выяснилось, что с древними артефактами в Империю попали и некие сущности, явно не желавшие погибать вместе с разоренной страной Хинд.

Первый маг родился в столице.

Правда, после утверждали, что далеко не первый, что есть якобы некие данные, которые позволяют сказать, что рождение одаренных изначально носило характер массовый, но это пусть историков интересует.

А я... Я слушаю.

Мой предок был там. Ему случалось обогреть руки кровью, в том числе и смуглокожих жрецов, иных он расстреливал прямо в храмах, прежде чем приступить к разорению оных храмов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.